

ПРИХОДСКАЯ №94

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ 2014

Газета

ХРАМА СВВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви
Свидетельство №100 от 4 июля 2011 г.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Приходская жизнь

Рождественское говение **3**

Слово пастыря

Прот. Александр Борисов
И на земле мир... **7**

Память

К 79-летию о. Александра Меня **8**

Наше достояние

В. Прохорова
Рождество и Пасха в ГУЛаге **13**

Памятная дата

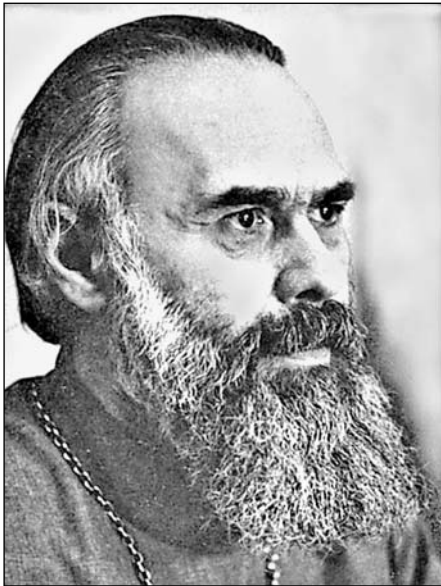
М. Шкаровский
Церковь в блокаду Ленинграда **17**

История рядом

Г. Зобин
Ивановская горка,
или Площадь мучеников **26**

Митр. Сурожский Антоний

О ЧЕЛОВЕКЕ В СВЕТЕ РОЖДЕСТВА

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Один из святых Церкви сказал: «Бог так же мал, как я; я так же велик, как Он...» Конечно, он этим не старался умалить Бога в своих глазах, а себя по сравнению с Ним возвеличить. Он имел в виду, что в Своём воплощении Бог согласился разделить с нами всеми наше человеческое состояние, в Своей плоти и в Своей человеческой душе испытать тварность; испытать, не будучи Сам жертвой и пленником греха, что значит жить в мире, который стал искажённым, уродливым через человеческий грех и зло, пережить все состояния человека в мире, быть непонятым, отверженным, преданным... Христос разделит с нами всё, что заставляет нас содрогнуться в ужасе, когда это случается с нами или с кем-то, кого мы любим, — включая нечто и ещё более страшное: самую смерть через потерю Бога, потому что, как апостол Павел учит нас, смерть — это утрата общения с Богом. И на кресте Господь Иисус Христос Сам, в Своём человечестве, разделит с нами так, как никто этого не может испытать, чувство лишения полного, глубокого, животворящего общения с Богом Отцом: *Боже Мой! Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил?..*

Когда мы думаем о Младенце Вифлеемском, мы видим в Нём всю хрупкость Божию, потому что в Боге есть та хрупкость, которая

составляет неотъемлемое свойство любви: любви, отдающей себя неограниченно, так чтобы стать способной быть израненной, отвергнутой, обесцеленной. Вот о какой «малости» говорит святой: не о малости, которая унизила бы Бога, но о том, что Его делает больше, чем что-либо, что мы можем себе вообразить.

И если мы спросим себя, как возможно, чтобы Бог, оставаясь тем, что Он есть — неизмеримо великим, святым, мог соединиться с хрупкостью, со слабостью, со страданием, со всем, что мы видим в Евангелии, — мы можем вспомнить слова преп. Максима Исповедника, что только вещи подобные не могут слиться друг с другом, но то, что совершенно несходно, — *может* слиться. И о Воплощении он говорит, что Божество соединило Себя с человечеством во Христе так, что полнота Божества обитала во плоти, подобно тому как огонь может пронизать железный меч. Железо остаётся железом, огонь остаётся неизменным, и они соединяются друг с другом так, что видимым образом нельзя разделить одно от другого. Употребляя выражение Максима Исповедника, можно резать огнём и жечь железом.

Но, с другой стороны, это говорит и о возможном, потенциальном величии человека. Да, человек так глубок, так просторен, так потенциально велик, что может в неповторимом явлении Воплощения стать Богом воплотившимся; и это призвание для всех нас — стать участниками Божественной природы: «Как от Божественной силы Его даровано нам всё потребное для жизни и благочестия, через познание Призвавшего нас славою и благодатию, которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью» (2 Петр 1:3, 4).

Это говорит о величии человека, о просторе и о глубине человека. И в сегодняшнем апостольском чтении есть фраза, которая есть зов

к нам — во имя Божие исполнить наше призвание. Это сказано так ярко, особенно в английском тексте; там говорится, что мы должны достичь человеческой зрелости, которая измеряется ничем меньшим, как мерой полноты Христовой, «доколе все придём в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения» (Еф 4:13, 14). Мы должны вырасти в то человечество, которое есть человечество Христово. А Христово человечество — это не только усовершенствованная версия того, чем мы являемся; [это] подлинное человечество, совершенное человечество, единое с Богом; человечество, в котором полнота Божества живёт во плоти; человечество, которое вместе с остальным миром становится славным одеянием Бога, о Котором апостол Павел говорит, что придёт день, когда Бог будет всё во всём (см. 1 Кор 15:28).

Это ли не призвание, которому стоит следовать? Не стоит ли делать всё, что мы можем, чтобы открыться силе и благодати Божией? Мы не можем достичь этого, но Бог может достичь этого в нас: что невозможно человеку, то возможно Богу, но не без нас. И чтобы этого достичь, мы должны предать самих себя и друг друга и всю нашу жизнь Христу Богу нашему. И тогда — и это слова св. Ириния Лионского — соединённое со Христом Духом Святым так, что Он в нас и мы в Нём, в Единородном Сыне всё человечество будет единородным сыном Божиим.

Это наше призвание, но путь будет указан нам Христом: *Я есть путь...* Если мы хотим достичь этой меры, стать подлинно человеческими, т.е. подлинно Божественными, мы должны следовать по Его стопам: отвергнуться себя, взять свой крест и последовать за Ним, куда бы Он нас ни повёл. Аминь.

26 января 1992 г.

Рождественская встреча прихода

«О человеке в свете Рождества» – такова была тема традиционного рождественского говения, прошедшего в нашем храме 2 января 2014 г.

После общей молитвы были прочитаны два вводных доклада. **Андрей Черняк** назвал своё сообщение «Свет Рождества – возможность по-новому увидеть человека и всмотреться в себя». **Дьякон Александр Константинов** предложил ещё один аспект темы: «Свет пришёл в мир. Наблюдайте, как вы слушаете».

Затем полтора часа шла работа в малых группах, которым были предложены для размышления следующие вопросы:

1. «Пойдёмте со всеми поклонимся чуду» (Б. Пастернак). Так ли мир слышит сейчас весть о Рождестве? Почему Бог выбрал для прихода в мир путь умаления? Что это означает для каждого из нас?

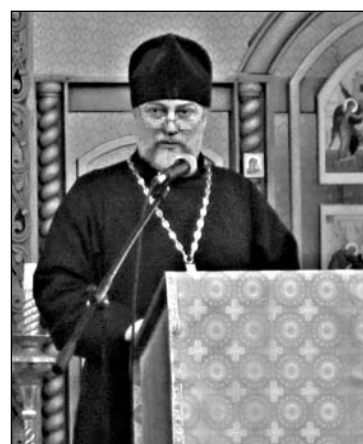
2. Насколько призыв «Будьте как дети» сочетается с представлением о человеке как о венце Творения?

3. Почему в пророчестве Исаии сказано: «Младенец родился **нам** – Сын дан **нам**» (Ис 9:6), а Ангел говорит: «Ныне родился **вам** в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь» (Лк 2:11)?

4. Что Вы открываете **в себе** и **для себя**, размышляя о конкретных эпизодах Рождества:

не было им места в гостинице;
весть, переданная Ангелом пастухам, и славословие небесного воинства;
Младенец в яслях;
совет у Ирода;
пророчества в дарах волхвов;
бегство в Египет;
избиение младенцев в Вифлееме?

После перерыва на чаепитие, организованного группой кормления, слушали свидетельства **о. Петра Коломейцева** (Путешествие по богослужебным текстам Рождества Христова), **Владимира Хейфеца** («Человек Божий» – о встрече с Жаном Ванье), **о. Александра Борисова** («Свет Христов просвещает всех. Переворот в жизни при встрече со Христом» – о письмах заключённого-смертника после прочтения им книг о. Александра Меня).

Затем отец настоятель подвёл итог духовных размышлений этого дня.

Стихи Пастернака, Бродского, В. Соловьёва о Рождестве, сопровождавшиеся видеорядом, голос

о. Александра Шмемана, фрагмент беседы влад. Антония, молитвенные прошения ведущих при показе икон на экране помогли войти во внутреннюю молитву. **Татьяна Рябинина** предварила её кратким напутствием: «Мы сегодня старались продумать и понять, чем входит Рождество в жизнь мира, в

жизнь каждого из нас, можем ли мы нести его свет тем, кого Господь поставил на нашем пути... Давайте проведём несколько минут в молчании, наедине с собой, чтобы понять, куда ведёт каждого из нас и меня сегодняшний разговор. Как сейчас читалось из Бродского, *Светильник светил, и тропа расширялась...* Так ли это для меня? Становится ли каждое новое Рождество и то, в которое мы войдём через несколько дней, новым шагом к свету, прояснением своего пути к Богу, открытием чего-то нового в Радостной

вести, в мире, в себе? Перед тем как выйти из храма, соберём всё, что было сегодня обращено лично ко мне, чтобы оно не потерялось. Помолчим».

Разумеется, не все прихожане смогли присутствовать на рождественском говении. Но подумать над вопросами, которые мы рассматривали в этот день, не поздно и сейчас.

Диакон Александр Константинов

Свет пришёл в мир. Наблюдайте, как вы слушаете

Кто имеет уши слышать, да слышит! Никто, зажегши свечу, не покрывает её сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет. Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы. Итак, наблюдайте, как вы слушаете: ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь (Лк 8:15–18).

Разве не так – сокровенным образом – приходит Христос в мир, и затем делается это явление Христа явным? Разве не к нам обращены эти слова – «...как вы слушаете»? Один принимает слова и ищет Царство небесное, другой отвергает и ищет царство земное.

Вот что говорит митр. Антоний Сурожский о слышании: «...Миллионы людей сегодня, миллионы людей в течение истории много бы дали, чтобы услышать малую крошку того, что мы слышим так постоянно, что всё время повторяется в церкви. За каждой службой мы слышим Евангелие, слово Самого Христа, слова Его учеников; и перед нами встаёт вопрос: как мы слушаем и как мы слышим? Мы можем слушать со вниманием, даже дрогнув сердцем, можем вдохновиться на мгновение, а потом, полюбовавшись красотой, мудростью слов Христовых, уйти из храма и не принять эти слова. Христос говорит: Зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме (Мф 5:15). **Умеем ли мы так слышать Христовы слова? Способны ли мы услышать слухом, осознать умом, воспринять сердцем, подвигнуться волей, сделать слышанное жизнью – или нет?»**

Вашему вниманию хочется представить размышление о людях, которые были рядом с Младенцем Иисусом незадолго до Его рождения и в первые дни, недели Его земной жизни. Как эти люди принимали весть о Христе, что они слышали и как поступали, как они жили, кем были и что для них было важно в вести о Рождестве Помазанника, Мессии, Христа?

Мария. Богородица. Она родила Христа, нашего Спасителя, но разве это было бы возможно без Её желания слышать и исполнять услышанное? Великое послушание Марии дало возможность прийти Христу в мир. Мария слушает и размышляет. Есть несколько удивительных эпизодов Евангелия, повествующих об этом.

Первый – рассказ пастухов о явлении им ангела и то, что последовало за ним (Лк 2:16–20): *Пастухи, поспешив, пришли и нашли Марию и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях. Увидев же, рассказали о том, что было возвещено им о Младенце Сем. И все слышавшие дивились тому, что рассказывали им пастухи. А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своём.*

Второй – когда Младенца приносят в храм и Симеон говорит о Нём удивительные слова, *Иосиф же и Матерь Его дивились сказанному о Нём* (Лк 2:33). Услышав же грозное пророчество: *се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, – и Тебе Самой оружие пройдёт душу* (Лк 2: 34–35), Мария молчит.

Третий эпизод – брак в Кане Галилейской (Ин 2:5): Матерь Его сказала служителям: **что скажет Он вам, то сделайте.** Единственное наставление, данное нам Божьей Матерью. Так сказать мог лишь человек, который **доверяет** другому и **слышит** его.

Мария была, вероятно, изумлена тем, что говорили о Её Сыне. Вряд ли Она понимала всё, но Она запоминала и размышляла об этом, т.е. обдумывала все слова и события, чтобы постичь их истинный смысл. **Принять слова и**

поступать по ним способен тот, для кого эти слова не пустой звук, а настоящий ориентир в жизни.

Иосиф Обручник, праведный, справедливый и милосердный. Плотник из рода Давида, он жил в Назарете, был обручён с Пресвятой Девой Марией. Узнав, что Мария *имеет во чреве*, Иосиф решил отпустить Её, но получил откровение: *родившееся в Ней есть от Духа Святого* (Мф 1:18, 20). И он принял Её и был с Ней до конца своих дней, жил ради Ней и Иисуса, охранял их, и для этого ему нужно было совсем немного – однажды **услышать** от ангела слова: *Не бойся принять Марию, жену твою... родит же Сына, и наречёшь Ему имя Иисус, ибо Он спасёт людей Своих от грехов их* (Мф 1:20–21). И Иосиф предан Господу до конца. Он **принял волю Божию** сердцем, и это стало его подвигом. Справедливо замечает свт. Иоанн Златоуст, что просто невероятно допустить, чтобы такой праведник, как Иосиф, решился познать Святую Деву после того, как Она так чудесно сделалась Матерью Господа.

Иосиф и Мария искали Бога здесь и сейчас, на этой земле искали встречи с Ним – живым Богом, Личностью, поэтому эта встреча и произошла.

Волхвы. Эти мудрецы-астрономы пришли из Вавилона или его окрестностей; они хорошо знали предания иудеев, т.к. те совсем недавно жили рядом с ними. Можно предположить, что звезда, увиденная ими, была кометой или каким-то редким астрономическим явлением. Около 7 г. до Р.Х. имело место яркое соединение планет Сатурна и Юпитера. В 5–2 гг. до Р.Х. наблюдалось необычное явление: в первый день египетского месяца месори Си-

риус из созвездия Большого Пса восходил вместе с Солнцем и светил необычайно ярко. Месори значит «рождение принца», и древние астрономы, конечно, связывали эту звезду с рождением какого-то великого царя. Мы не можем сказать, что именно видели волхвы, но наблюдение за небом было их делом, и какое-то небесное светило говорило им о пришествии в мир царя. А вот Ироду об этом мало что было известно, и он *тайно... выведal у них время появления звезды* (Мф 2:7).

Нам может показаться невероятным, что эти люди отправились искать царя. Но как раз в момент рождения Иисуса в мире было предчувствие Его прихода. Об этом знали и римские историки. Так, Светоний Транкви́лл писал: «На востоке распространено было давнее и твёрдое мнение, что судьбой предназначено в эту пору выходцам из Иудеи завладеть миром» («Жизнь Веспасиана» 4, 5). Тацит говорит: «Было твёрдое убеждение... что в это самое время восток станет могущим и правителем, по происхождению из Иудеи, захватят мировое господство» («История» 5, 13). У иудеев было верование, что «около этого времени некто из их страны станет правителем обитаемой земли» (Иосиф Флавий, «Иудейские войны» 6, 5.4).

Люди, которые увлечённо занимались исследованием окружа-

ющего мира, не могли пройти мимо такого события. Отношение к рождению Христа мудрых волхвов – отношение **восхищённого поклонения**, желание положить к ногам Иисуса Христа благороднейшие дары, которые они могли принести. Из преданий мы знаем, что они проповедовали Христа у себя на родине и приняли мученический венец.

Пастухи. У Луки о рождении Помазанника первыми узнают не цари и правители, а простые и бедные люди. Всё-таки чудесно, что первым весть о рождении Иисуса получили пастухи. Ортодоксальные иудеи презирали их: ведь пастухи не могли соблюдать все установления закона, все мелочные предписания, касающиеся омовения рук и прочего. Но именно им, простым людям полей, была первым послана весть Божия.

То, что Мессия должен родиться в городе Давида Вифлееме, было известно местным пастухам из пророчества Михея: *И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдёт Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных* (Мих 5: 2). Удивительный факт: из толкования отдельных мест Талмуда следует, что Мессия должен был родиться в «башне стада» близ Вифлеема. В этом месте паслись

стада, предназначенные для храмовых жертв, и, следовательно, пастухи были связаны с Иерусалимским храмом. Ангел, возвещая именно пастухам о рождении Спасителя, тем самым показывает, что не нужно будет им более выращивать скот для заклания, т.к. жертву за грехи человеческие принесёт Сын Божий.

Существует и другая точка зрения: Ангел является пастухам из-за простоты их нрава и незлобия. Господь изначально избрал *немудрое Божие* (1 Кор 1:25), и пастухи пошли и стали **проповедовать** не раздумывая, в простоте сердца **слава и хвала** Бога.

Симеон. По преданию, он был одним из семидесяти двух учёных толковников – переводчиков, которым египетский царь Птолемей II (285–247 гг. до н.э.) поручил перевести Священное Писание с еврейского на греческий язык (Септуагинта). Когда св. Симеон переводил книгу пророка Исаии и прочитал слова *се, Дева во чреве примет и родит Сына* (Ис 7:14), он подумал, что это явная описка, что вместо *Дева* должно стоять *Жена*, и посчитал своим долгом исправить текст. Но Ангел Господень остановил руку св. Симеона и уверил его, что он не умрёт, пока не убедится в истинности пророчества Исаии. Согласно Прото-евангелию Иакова, Симеон стал священником Иерусалимского храма после убийства в нём Захарии, отца Иоанна Крестителя.

Симеон, *праведный и благочестивый*, т.е. исполняющий Закон и ведущий высоконравственную жизнь, ждал спасения, того времени, когда Бог восстановит Своё владычество в Израиле. *И Дух Святый был на нём* (Лк 2:25) – он был пророком, он получил радостную весть от Бога: Помазанник явится ещё при его жизни, и он увидит Его собственными глазами. Симеон, как часовой на посту, дожидался этого события, и вот – Господь отпускает его. Симеону открыто Святым Духом, что Дитя, которое он держит на руках, и есть тот долгожданный Помазанник. И если люди были уверены, что Помазанник (Христос) придёт только к Израилю, свергнув иго порабощения, то Симеон **узнал в Нём Спасителя для всех народов**. Пророк видел

не только радость, но и печаль, которую предстоит испытать как тем, кто не примет Христа, так и тем, кто будет рядом с Ним.

Анна пророчица, вдова, *достигшая глубокой старости, прожив с мужем от девства своего семь лет* (Лк 2:36), никогда не покидала Храма, постясь и молясь день и ночь. Дар узнать Помазанника дан ей Духом Святым, и она **возвещает радость весть всем**, бывшим в Храме. Увы, её мало кто слушает.

Симеон и Анна узнают Христа потому, что живут в пространстве Бога, по заповедям Господним, стараются всю свою жизнь сделать путём к жизни вечной. Таким людям Христос открывает Себя – они обязательно **встречают Его лично**, лицом к лицу либо в земной жизни, либо уже перейдя её черту.

Царь Ирод Великий. Любого царя взволновало бы сообщение, что родился тот, кто должен занять его трон, но Ирод был взволнован вдвойне. Он был наполовину иудей, наполовину идумеянин. В ходе войн и гражданских волнений в Палестине он оказал помощь римлянам, и они доверяли ему. В 47 г. до Р.Х. он был назначен прокуратором; в 40 г. получил титул царя и правил до 4 г. Ирод во многих отношениях заслужил прозвания «Великий». Он смог установить в Палестине мир и порядок. Он отстроил иерусалимский Храм. Он мог быть щедрым: в трудные времена снизил налоги, а во время голода в 25 г. переплавил своё золотое блюдо, чтобы купить умирающим людям хлеб. Но в характере Ирода был роковой изъян: безумная подозрительность. Стоило ему увидеть в ком-нибудь соперника, как этого человека ждала смерть. Он убил свою жену Мариамну и её мать Александру, своих сыновей Антипатра, Александра и Аристовула. Римский император Август говорил, что безопаснее быть свиньёй Ирода, нежели его сыном.

Дикая жестокость и извращённость его натуры в полной мере проявились незадолго до смерти. Когда Ироду исполнилось 70 лет, он, чувствуя близкий конец, удалился в Иерихон, самое красивое место в Палестине, и рас-

порядился арестовать по ложным обвинениям целую группу выдающихся граждан Иерусалима. Приказав посадить их в тюрьму, он велел умертвить их всех в тот момент, когда сам умрёт. Ирод мрачно предвидел, что по нему никто не будет носить траур, и хотел, чтобы после его смерти были пролиты слёзы хотя бы таким образом...

Итак, Ирод пригласил священническую аристократию и богословов и спросил их, где, согласно Писанию, должен родиться Помазанник Божий. Они процитировали ему пророка Михея, 5:2. Ирод послал за волхвами и приказал им найти родившегося Младенца, добавив, что сам хочет поклониться ему. Однако единственным его желанием было убить Младенца, рождённого быть Царем. Отношение Ирода – **отношение страха, ненависти и враждебности**.

И сейчас есть люди, которые с радостью уничтожили бы Иисуса Христа, потому что Он мешает им. Они хотят жить своевольно, не считаясь ни с чем, а Христос обличает их поступки. Если человек идёт своим собственным путём, если он видит в Иисусе Христе Того, Кто может вмешаться в его честолюбивые планы или упрекнуть за образ поведения, у него остаётся лишь одно желание – покончить с Христом. Он прибегает к самым низким средствам и если не идёт по трупам людей, то разбивает их сердца.

Первосвященники и книжники. Их отношение к Христу-Младенцу – **полное безразличие**. Сам факт рождения обетованного Помазанника Божия их нисколько не тронул. Они были настолько погружены в храмовые ритуалы и обсуждение Закона, что не обратили на Иисуса никакого внимания. Ведь они ждали Мессию как блистательного царя, а не беспомощного Младенца. Многие люди и ныне настолько поглощены своими делами, что Христос не имеет для них никакого значения.

Народ Иерусалима встревожился, и это можно понять: ничего хорошего от Ирода ждать не приходилось, и в поисках нового конкурента он вполне мог искалечить любую жизнь.

Люди **боялись за себя и остались равнодушными** к рождению Спасителя. Многих во времена Ирода Великого устраивала жизнь в Иудее, где возводились новые здания, прокладывались дороги и т.д., поэтому они **ничего не хотели менять**. Стремиться к чему-то непонятному, неизведанному и, возможно, потерять то, что имели, им не хотелось (хотя в конце концов они всё и потеряли), и ждать, что они будут слушать евангельскую весть, не приходилось.

Каждый из нас хочет жить счастливо, каждый хочет осуществить свои самые сокровенные мечты, но мы не знаем, как это сделать. Иисус Христос и жизнь, которую Он предлагает людям, – это ответ на наши поиски, стремления, мечты. Правда, люди часто видят осуществление своих желаний во власти, богатстве, материальном изобилии. Но если мечтам человека о мире, красоте, любви, счастье и дано осуществиться, то это возможно лишь в Иисусе Христе. Иисус может оживить погибшую в грехе душу, возродить умершие идеалы, придать силу падшему стремиться к добродетели. Он может обновить жизнь, когда люди утратили всё, что входит в само понятие жизни.

В тайне Рождества Христова мы видим, как немного надо Богу места в мире, чтобы нас спасти. Он рождается в убогой пещере беспомощным Младенцем. Нам нужно только дать место Ему в нашем сердце, не гнать Его, не сопротивляться Ему. Стараться услышать Его, научиться вручать себя Богу, доверять Ему, отвечать Ему делами любви, терпения, милосердия. Не быть равнодушными, как те жители Иерусалима, которые слушали, но не услышали. И тогда радость пастухов и волхвов будет и нашей радостью.

Когда человек встречается со Христом, живёт и общается с Ним, слышит Его, эта тусклая, мрачная жизнь, наполненная безысходностью и безнадежностью, не может устоять перед светом настоящей жизни. Это и есть то, чего так ищут люди, мечта и надеясь, – та жизнь, к которой призван каждый человек.

И НА ЗЕМЛЕ МИР...

Дорогие друзья! Всех поздравляю с Новым годом и Рождеством Христовым!

«...И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь. И вот вам знак: вы найдёте Младенца в пеленах, лежащего в яслях. И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Лк 2:10–14).

Конечно, слова «и на земле мир» не описание состояния дел на земле, где царь Ирод, едва узнав о родившемся Мессии (см. Мф 2:4), отдаёт приказ истребить в Вифлееме всех младенцев от двух лет и ниже. Это – замысел Божий о сотворённом Им мире.

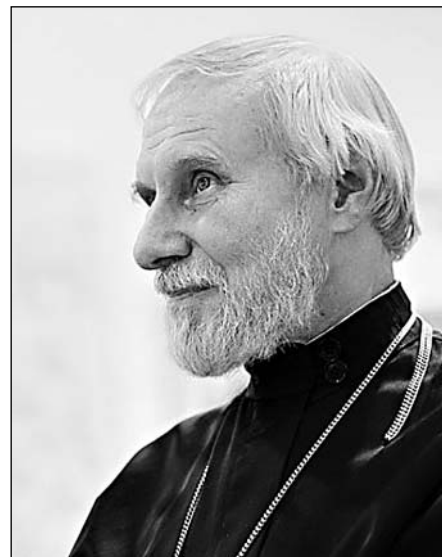
Напомню: мир – состояние примирённости, противоположное войне; мир – видимое материальное творение. В старой орфографии это было ясно. Например, мы молимся «о мире всего мира». Или – известный замечательный, если бы он был искренним, лозунг «Міру – мир!».

Рождение Мессии – Христа и есть мир, предлагаемый Творцом. Рука, протянутая с Неба. Первое, что говорит Воскресший Иисус ученикам, – «Мир вам!». Всей

глубиной своего существа человек жаждет мира. Но пути, которыми он идёт для его обретения, не всегда являются путями Божиими. Оттого и нужно человеку уяснить из Священного Писания, Библии, в чём заключается искание подлинного мира, и нужно услышать весть о том, что такой мир даруется Богом в Иисусе Христе. Успех любого дела, делаемого человеком, может иметь только одно единственное основание, – делание ради Христа и в Его Духе.

Это касается не только духовной жизни, но и вообще всего, что делает человек: пишет, строит, сеет и т.д. Эта связь не всегда очевидна, но в своём конечном итоге подлинное добро и благой результат достигаются только при этом условии. «Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Кор 3:11).

Наступающий год – год 700-летия рождения преп. Сергия Радонежского и 100-летия начала Первой мировой войны. Первая дата – пример созидания нашей страны на основании христианской веры. Вторая – мировая война, развязанная странами, называвшими себя христианскими, унесшая миллионы жизней и приведшая к созданию двух страшных тоталитарных режимов: коммунистического и на-

цистского. Совпадение этих дат – знак огромной важности. Какой из путей изберёт каждая страна, в том числе наша Россия? Путь поиска мира и созидания на основании, данном нам в Рождении Христа, или путь нелепого противостояния стран и народов, траты огромных ресурсов на гонку вооружений, ресурсов, которые можно обратить на борьбу с нищетой и болезнями?

Будем молиться, чтобы наша страна стала инициатором избрания первого из этих путей. Для этого у нас как у страны, исторически и географически находящейся между Западом и Востоком, есть все необходимые ресурсы. Нужна лишь политическая воля. Поэтому всем нам желаю созидать свою жизнь через познание Господа нашего Иисуса Христа (см. 1 Петр 1:3–8). И все наши дела, всю нашу жизнь строить на этом вечном основании.

Будем вместе радоваться освобождению известных узников и скорбеть о жертвах терактов. В мире по-прежнему ужасающе много зла. Так что нам есть, что делать в нём, памятуя о данном нам служении примирения (2 Кор 5:18). И пусть мир Христов, несмотря на все печальные события, найдёт уголок в глубине нашего сердца и из него будет проникать в жизнь каждого из нас и в жизнь окружающего нас мира.

Храни Вас Бог! Всегда Ваш

прот. Александр Борисов

Юлия Зайцева

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ: Христоцентричность во всём

22 января, в 79-ю годовщину со дня рождения прот. Александра Меня, его духовные чада, друзья и читатели его книг вновь собрались во Всероссийской библиотеке иностранной литературы (ВГБИЛ), чтобы почтить память пастыря. Зал был полон, а вечер продолжался почти четыре часа

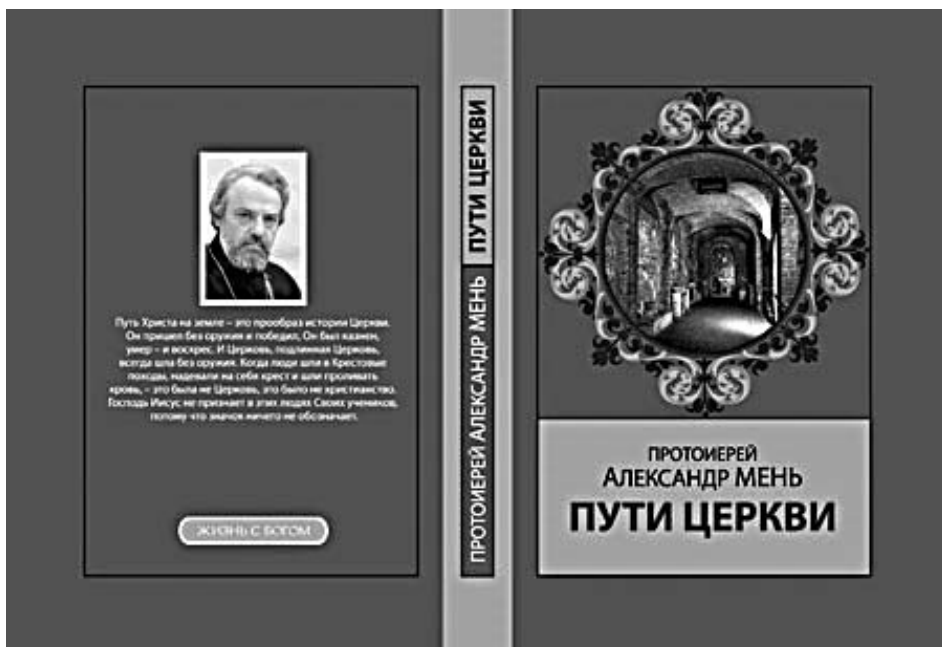
Более 20 лет проходят подобные встречи, и их участников не становится меньше. «Не иссякает, но пополняется река тех, кто помнит и говорит об о. Александре Мене», — сказала его духовная дочь, директор ВГБИЛ Екатерина Гениева. По её мнению, сами эти вечера стали особым феноменом, своего рода агапами, когда люди стремятся сделать творческие подарки пастырю и друг другу, а он, в свою очередь, тоже дарит всем подарок — это «пароль «Александр Мень»». Е. Гениева рассказала несколько историй-притч о том, как имя убиенного священника помогало соединить многих людей в помощи ближним.

В начале встречи была показана видеозапись одной из многочисленных лекций о. Александра, которые он читал в разных аудиториях в конце 1980-х гг., когда подобная просветительская и миссионерская деятельность была уже разрешена. В Доме культуры медиков в 1988 г. он говорил о великой христианской культуре, которая является «внешним выражением духовного ядра», и ядро это — христианская вера. Для советских людей было вновь услышать от священника, что, например, в «Троице» Андрея Рублёва можно видеть не только гениальное произведение искусства, но и великое духовное прозрение, акт веры. «Как христианство первых веков, не имея ещё ни храмов, ни икон., победило могучее язычество, основанное на многовековой античной культуре?» — ставил перед аудиторией вопрос о. Александр и отвечал: «Победа была достигнута вечным светом, исходящим от Евангелия — Благой вести о Христе». «Обращаясь к великому наследию нашей Церкви, все мы должны помнить главное: именно Евангелие — источник, потенциал всех церквей по всей земле. Христос был — это исторический факт. Но важно, что Он есть! Это обновляющее, это вечное», — завершал священник свою лекцию-проповедь.

«Христоцентричность во всём» — так кратко охарактеризовал мировоззрение своего брата Павел Мень. Эта же мысль является ключевой для новой книги о. Александра Ме-

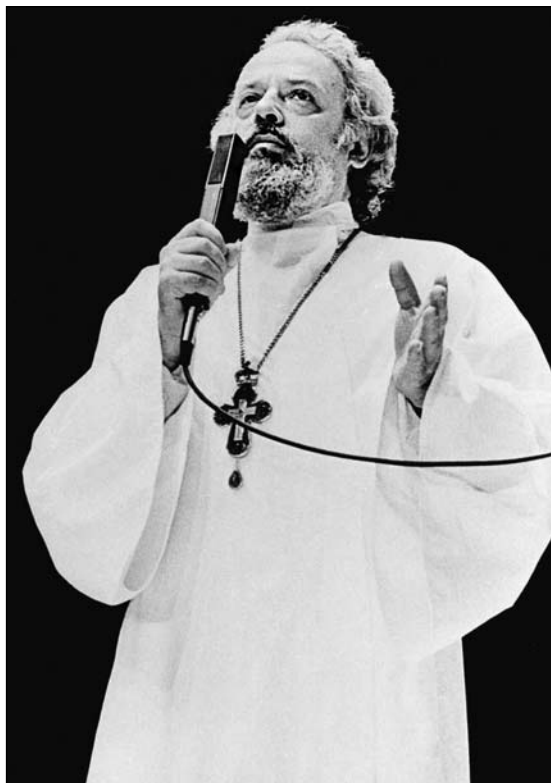
ня «Пути Церкви» (Издательский дом «Жизнь с Богом», 2014), представленной на вечере. В ней собраны лекции о. Александра, которые по тематике шире «истории Церкви»: в них жизнь Церкви рассматривается в широком культурном контексте, догматика — в развитии, при этом изложение доступно и диалогично. По словам редактора издания Розы Адамянц, одна из главных мыслей этих лекций — «о силе Церкви, о её жизнеспособности, потому что Церковь жива Духом Христовым». «То, что создал Господь на земле, переживет всё, что было в истории», — привела Р. Адамянц слова о. Александра.

«У меня особое доверие к тому, что говорил о. Александр Мень», — сказал давний друг семьи Меней прот. Александр Борисов. Его отношение к старшему другу — это не только доверие к духовному отцу, но и признание особой мистической одарённости о. Александра Меня, который «переживал опыт встречи с Богом», хотя почти не говорил об этом. О. Александр Борисов считает, что сейчас важно не только читать книги о. Александра Меня, но и слушать его голос: «Я горячо рекомендую слушать не только что он говорил, но и как. Это лучшее лекарство от серости, обыденности, конфликтности, которая нас захлёстывает. Так удивительно получилось, что самая последняя его лекция, которую он прочитал накануне гибели, 8 сентября 1990 г., — это апофеоз его проповеди. Он тогда говорил о том, что

“христианство только начинается”. Слушайте! Звук его голоса поднимает нас на встречу с Небом». Священник напомнил, что многочисленные аудио- и видеозаписи выступлений о. Александра Меня можно скачать на сайте Фонда, носящего его имя.

Поэт Александр Зорин прочитал новые стихи, посвящённые о. Александру Меню. А. Зорин отметил также, что к книгам о. Александра Меня, которые известны уже почти во всём мире, постепенно меняется отношение и в России. «Сейчас более благоприятное отношение к о. Александру появляется и в лоне нашей Церкви», — сказал он. Духовная дочь о. Александра Меня Наталья Спокойная, которая много лет живёт и работает в Европе, рассказала о том, с каким трудом ей удавалось перевозить и распространять книги о. Александра в православной среде в Германии. При этом она подчеркнула, что всё вре-

уверен постоянный ведущий вечеров Владимир Илюшенко.

мя чувствует помощь своего духовного отца.

Разве не чудо, обратилась к собравшимся Алла Калмыкова, что харьковский Театр детей «Тимур», который был создан почти 40 лет назад духовными чадами о. Александра Меня и теперь носит его имя, не только выжил после кончины основателя Василия Сидина, но и «набирает новую высоту»: ставит новые спектакли, гастролирует по детским домам и интернатам, проводит летние лагеря, возрастает в общинной христианской жизни. «В педагогической работе “тимуровцы” всегда руководствовались словами и идеями о. Александра Меня», — отметила А. Калмыкова.

«О. Александр Мень часто заканчивал свои проповеди словами “У Бога все живы”. О. Александр жив, он с нами, он молится за нас, мы в его сердце», —

Источник: *blagovest-info*

Андрей Ерёмин

Мария Витальевна

22 января 2014 г. исполнилось 110 лет со дня рождения Марии Витальевны Тепниной

Вот уже 20 лет её нет с нами. Но мы вспоминаем её каждый раз, когда отмечаем дни рождения о. Александра Меня, который родился также 22 января, но 1935 года. И так уж сложилась жизнь этой замечательной женщины, что больше десяти лет из неё она посвятила помощи о. Александру. Это были последние десять лет его жизни, которые я хорошо помню, так как провёл их вместе с ним в алтаре Сретенской церкви в Новой Деревне. Тогда же я познакомился с Марией Витальевной, которая была всегда на всех его службах, а после них кормила батюшку, ухаживала за ним. Всё, что она делала для о. Александра, было ненавязчиво, скромно, с любовью и терпением. Её смиренная

помощь вызывала во мне всегда огромное уважение. Со временем я узнал, что Мария Витальевна познакомилась с мамой о. Александра ещё в 30-х годах, знала будущего священника с самого рождения, всегда была как бы членом его семьи. Хотя я не много с нею общался, но два случая, как мне кажется, связали нас крепко.

Первая история произошла в 1988 г. Тогда в отдел кадров моей работы позвонили из КГБ, пригласили меня к телефону и настояли на срочной встрече. Назначили её в ближайшем к работе отделении милиции через два часа.

Я понимал, чего от меня хотят. В то время я исполнял обязанности личного секретаря о. Александра, знал о всех его делах, которых с началом перестройки стало

Мария Витальевна Тепнина. Ок. 1992 г.

очень много. Очевидно было, что чебешники захотят меня склонить к сотрудничеству (так и оказалось). Для беседы с ними нужно было мужество, и мне очень хотелось попросить кого-нибудь помочь обо мне. Однако звонить кому-либо я не мог, понимая, что

все мои звонки будут прослушиваться.

Я вышел с работы и медленно брёл по дороге, собираясь найти какой-нибудь храм, чтобы там посидеть и сосредоточиться перед беседой. И вдруг недалеко от работы, посреди шумной Москвы, я вижу, что навстречу мне идёт Мария Витальевна! Вот лучшего молитвенника в таких обстоятельствах и представить себе было нельзя. В приходе о. Александра было несколько человек, стойко прошедших кошмар допросов, пыток и сталинских лагерей, и Мария Витальевна была одна из них. Никому не пришлось звонить. Господь послал мне для укрепления того, кто был нужен. В огромной Москве в этот час я встретил именно её.

Я прогулялся с Марией Витальевной, рассказал ей о том, куда иду, и попросил молитвенной помощи. В результате мой разговор с присланным сотрудником (майором или капитаном – не помню уже звания или фамилии) прошёл замечательно. Конечно, первым делом он стал меня уверять, что КГБ за последние годы очень изменился и теперь с большим уважением и пониманием оценивает деятельность о. Александра, а потому очень заботится сейчас о его безопасности и здоровье. Не то что всякие зарубежные агенты, которые так и хлынули с началом перестройки в Новую Деревню, замысливая против знаменитого о. Александра страшные провокации. А потому органы на меня очень надеются, что я помогу остановить коварные происки зарубежных спецслужб.

Мне тут пришло в голову, что внезапная забота КГБ должна была бы сопровождаться извинениями в прессе за публикации 86-го года, порочащие имя о. Александра. Поэтому я взялся достаточно эмоционально убеждать присланного для вербовки сотрудника в том, что после безосновательных преследований о. Александра в середине 80-х годов органам надо бы сначала продемонстрировать

стране глубину произошедших на Лубянке изменений посредством покаяния и извинений перед оскорблённым священником в прессе и что только после таких поступков можно начать говорить о каком бы то ни было сотрудничестве.

После этого последовали ещё некоторые эканья и мекания, но капитану (или майору) уже было ясно, что ничего не получится. Всё, что оставалось им сделать в 1988 г., это опять позвонить в мой

и первые её слова – хорошо помню – были: «Это КГБ». Потом, когда увидела, как я сокрушаюсь, добавила: «Это апостольская смерть, о. Александр был настоящим апостолом»...

Так вот, мне казалось, что между нами есть какая-то невидимая связь, и, хотя после гибели о. Александра на меня свалилось огромное количество дел, тем не менее, я иногда навещал Марию Витальевну в Новой Деревне. Сейчас я понимаю и жалею, что навещал её редко. Однако летом 1991 г. я собрался с духом и поехал к ней с помогавшей ей уже долгое время Татьяной Яковлевой, чтобы записать на магнитофонную плёнку её рассказ о знакомстве с семьёй о. Александра. В потоке минувших лет я об этом интервью забыл, но совсем недавно обнаружил его в архиве. Как раз накануне юбилейной даты.

Мне хочется представить всем эту запись, однако

прошу простить меня за то, насколько непрофессионально было мною сделано интервью. Когда я его сейчас слушаю, хорошо представляю, как много я не спросил, упустил. Слава Богу, что сохранилось ещё одно интервью, сделанное Михаилом Юровицким. В нём информации намного больше, распечатка его была опубликована в Приходской газете храма Космы и Дамиана.

К сожалению, качество этой записи оставляет желать лучшего. Голос Марии Витальевны на ней плохо различим. И, конечно, огромное спасибо Сергею Бычкову, который записал в начале 90-х видеointerview с Марией Витальевной. В этих видеороликах мы можем не только услышать её голос, но и увидеть, как она выглядела незадолго до смерти. Так что сохранившаяся у меня запись не представляет что-либо уникальное. Просто её не было, а теперь она есть, потому что нашлась в дни 110-й годовщины со дня её рождения. И мы можем опять услышать знакомый многим прихожанам о. Александра столь дорогой голос Марии Витальевны Тепниной.

1979 г. Новая Деревня. Мария и Владимир Илюшенко, Мария Тепнина, Евгения Архипова и о. Александр Мень

отдел кадров и потребовать для меня понижения в должности.

Второй эпизод, который вспоминается в связи с Марией Витальевной, имел место в то страшное воскресенье 9 сентября 1990 г. Когда о. Александр не приехал на службу в Новую Деревню, все страшно волновались, хотя о худшем, конечно, не думали. И вот после литургии, которую служил о. Иоанн (я в тот день помогал ему в алтаре), после всех треб, когда я вышел на крыльцо, в воротах храма я увидел сотрудника милиции в форме. Он подошёл ко мне, представился капитаном Николаевым и сообщил об убийстве о. Александра в Семхозе. Он также задал мне несколько вопросов, потом куда-то отправился, а я завернул за угол церкви, сел и несколько минут пытался прийти в себя от охватившего горя. Потом встал, пошёл в домик, где Мария Витальевна терпеливо ждала нашего батюшку, обнял её и рассказал всё, что только что услышал. Она, как ни странно, не была сильно потрясена, встретила жуткую новость горестно, но стойко, продемонстрировав мне, насколько эта старая женщина мужественнее меня,

Сергей Пестов

Камчатская прихожанка ОТЦА АЛЕКСАНДРА

В наше время среди прихожан многих православных храмов немало тех, кого можно назвать «дальними прихожанами», – жителей отдалённых мест, чувствующих духовную связь с определённым, дорогим для них храмом. Кто чаще, кто реже, они приезжают туда из разных городов и сёл, а то и из других стран.

Очень много таких людей приезжало к о. Александру Меню в Новую Деревню. Среди них была и Зинаида Арсентьевна Машихина, жившая на Камчатке.

Я не был с ней знаком. Трудно писать о человеке, с которым в жизни разминусь, и лучше бы о нём рассказывали те, кто знал его лично. Но воспоминания о Зинаиде Машихиной мне нигде не попадались, и об этом человеке приходится писать по обрывочным сведениям, сознавая, что при таких обстоятельствах неизбежны неточности, а может быть, и искажения.

Я услышал о ней в начале 80-х годов, и почему-то рассказы об этом человеке запали в сердце.

По национальности Зинаида была ительменкой – дочерью народа, когда-то населявшего всю Камчатку, а теперь компактно обитающего только на её северо-западной окраине. Во второй половине XX в. их оставалось немногим больше двух тысяч.

Исторический путь ительменов похож на пути многих народов Севера да и других частей света. Издавна ительмены были рыболовами и охотниками, научившимися жить среди суровой природы. С почитанием природных сил в основном были связаны их языческие верования и мифологические представления, во многом сходные с мифами североамериканских индейцев. Ительменов нередко так и называют: камчатские индейцы.

В XVII в. началась русская колонизация Камчатки, сопровождавшаяся кровопролитием и вы-

теснением её коренных жителей с привычных земель или же усиленной ассимиляцией. К XIX в. сохранилась едва ли десятая часть ительменского народа. В то же время колонизаторы принесли покорённым народам новые способы хозяйствования, а впоследствии – возможность приобщения к христианству, образованию, новой технике и европейской культуре. Уже в XVIII в. многие ительмены принимали крещение, хотя языческие верования не исчезли. Многие фамилии современных ительменов некогда были приняты их предками от крестивших их православных священников. В советские годы ительменов, как и всех, поборники безбожия пытались сделать атеистами и немало в этом преуспели, но, как и повсюду, до конца им это не удалось. На Камчатке не осталось ни одного храма, ни одного священника, и всё же не только тысячелетний шаманизм, но и сравнительно недавно пришедшее на Камчатку православие не были окончательно искоренены. В то же время возникла национальная интеллигенция, открытая современному образованию и способная заново осмыслить свои национальные корни.

Зинаида Машихина родилась на Камчатке 16 апреля 1943 г., но её школьные годы прошли в Москве. Там же она окончила библиотечный техникум, после чего поступила в Абрамцевское художественно-промышленное училище на отделение керамики. Во время каникул Зинаида путешество-

вала по Советскому Союзу. И однажды, приехав в Таллин, она зашла в старинную готическую церковь Олевисте.

Духовный путь Зинаиды до поездки в Эстонию от нас скрыт. Сама она признавалась, что её обращение к Христу произошло на одном из молитвенных собраний в Олевисте, с давних пор – главной церкви эстонских баптистов. В те годы проповеди таллинских баптистов привлекали в Олевисте не только их эстонских единоверцев, но и христиан разных конфессий, а также конфессионально не определившихся богоискателей из других советских республик.

Далеко не все из них потом становились баптистами. Не стала баптисткой и Зинаида. Православие привлекало камчатскую студентку сильнее, возможно, так в её сердце проросли миссионерские посевы православных подвижников былых времён. Неизвестно, когда Зинаида Машихина встретила о. Александра Меня, но вскоре после возвращения в Подмоскovie она крестилась у него.

В 1974 г. Зинаида закончила учёбу, вернулась на Камчатку и поселилась в Петропавловске-Камчатском, где стала работать по специальности художником-керамистом и в 1980 г. была принята в Союз художников. Художница участвовала в выставках, неоднократно ездила в творческие командировки в Москву и Юрмалу. Каждая поездка в Европейскую часть Советского Союза давала возможность побывать в Новой

Деревне. И, конечно же, Зинаида Машихина стала проповедницей Евангелия, ведь она не могла не делиться с земляками открывшейся для неё верой.

Но пришлось ей заниматься и другими делами. Многим из тех, кто пересказывает анекдоты про «чукчей», даже трудно представить всю степень трагизма жизни многих северных народов. К трудностям выживания среди суровой природы добавилось и человеческое зло – административные ограничения в ведении традиционных промыслов, высокая смертность от принесённых европейцами болезней, против которых у аборигенов не было иммунитета, спаивание, наконец, террор пришедших криминальных элементов, вплоть до безнаказанных убийств.

В такой обстановке Зинаиде как представительнице национальной интеллигенции пришлось стать и заступницей своих земляков. Иногда её правозащитная деятельность состояла в том, чтобы

при очередном убийстве ходить в милицию и упрашивать: «На краю села лежит труп ительмена, пойдите туда и начните следствие!».

Конечно, такой человек рано или поздно должен был вызвать недовольство местных властей. Однажды к ней нагрянули с обыском, изъяли книги...

Всё это запомнилось мне из рассказов, слышанных от прихожан Новой Деревни ещё в начале 80-х гг. Рассказы запомнились, но потом долгие годы я ничего не слышал о Зинаиде Машихиной.

Только через много лет я решил поискать, нет ли о ней сведений в Интернете, и узнал, что Зинаиды Машихиной давно нет в живых. Она скончалась 4 января 1992 г., не дожив до пятидесяти лет. Смерть наступила неожиданно.

Остальных сведений в Интернете оказалось крайне мало, их недостаточно для понимания человека, его жизненного и творческого пути. Там упомянуто, что работы ительменской художницы находятся в ряде музеев России: в Камчатском областном краеведческом музее в Петропавловске-Камчатском, Государственном музее этнографии в Санкт-Петербурге, Музее декоративно-при-

кладного искусства в Москве. Но ничего не говорится о духовном пути художницы и её христианском миропонимании.

Когда-то в трудную минуту у Зинаиды Машихиной вырвалось: «Нашего народа скоро не будет». Но ни один народ не хочет исчезать, есть и среди ительменов энтузиасты, старающиеся сохранить культуру, обычаи и язык своего народа. Как и у других народов, у ительменов возвращение к корням не обошлось без идеализации древнего язычества. Но не пропал труд миссионеров, есть кому молиться за христианское пробуждение ительменского народа. Должно быть, и Зинаида Машихина на небе молится за свой народ.

Недавно на ительменском языке вышел новый перевод Евангелия.

ЛИЦА ФЕВРАЛЯ

1 февраля исполнилось 120 лет со дня рождения русского писателя, драматурга Евгения Замятина (1884—1937)

Е. Замятин.
Портрет работы Б. Кустодиева. 1923

Сын православного священника, кораблестроитель по профессии, он участвовал в строительстве российских ледоколов в Англии, отдал дань политике (до революции был в ссылке, после 17-го г. арестовывался и едва не был выслан на «философском пароходе»).

Первый рассказ напечатал в 1908 г. В 1921 г. создал группу «Серapiоновы братья», куда вошли М. Зощенко, В. Каверин, В. Шкловский и др. писатели. Публикация за рубежом в 1929 г. романа-антиутопии «Мы» вызвала травлю; как писатель он «был приговорён к смертной казни» (из письма Сталину). В 1931 г. его чудом отпускают во Францию. Главной своей книгой Замятин считал «Бич Божий» – роман о нашествии варваров.

«Государство (гуманность) запрещало убить насмерть одного и не запрещало убивать миллионы наполовину. Убить одного, т.е. уменьшить сумму человеческих жизней на 50 лет, – это преступно, а уменьшить сумму человеческих жизней на 50 миллионов лет – это не преступно. Ну, разве не смешно?»

Е. Замятин. «Мы»

Вера Прохорова

Жители подводного царства

Вера Ивановна Прохорова (1918–2013) – дочь последнего владельца Трёхгорной мануфактуры. Её дед на Всемирной выставке в Париже получил Гран-при и Орден Почётного легиона «за благоустройство жизни рабочих». Отец, сменивший его на посту директора Трёхгорки, после революции чудом избежал расстрела. Сама Вера Ивановна в 1950-е за «неосторожное слово» попала в ГУЛАГ на 6 лет. После освобождения преподавала в Институте иностранных языков. Её рассказ о праздновании Рождества в Озерлаге под Тайшетом хочется предварить фрагментами воспоминаний о её деде и отце. Они дали своим потомкам пример подлинно христианской жизни

Моё наследство

Многие вспоминали, что дед был человеком очень большого обаяния.

В 8 часов открывались ворота, через которые сначала в экипаже, потом в машине въезжал дедушка. По нему проверяли часы... Он входил в кабинет, какое-то время занимался бумагами, затем обязательно шёл по всем цехам, потом работал с начальниками, и каждый день два часа у него было отведено на жалобы рабочих. Он вникал во всё, для него не было чего-то незначительного на фабрике.

А каждое воскресенье к нему на дачу привозили приютских детей. В наши дни, когда наконец дед перестали проклинать, в одной из газет появилась статья старого рабочего, 90-летнего Ивана Крылова. Он был воспитанником приюта моего дедушки и вспоминал, как мальчиком приезжал с этими детьми на эту дачу. Со всей откровенностью и с удивительной памятью он описывал их жизнь: их обучали не только техническим навыкам, но и литературе, музыке. Летом у каждого в огороде была своя грядка. Каждый месяц возили в театр, сами они тоже устраивали спектакли.

Вообще, стремление делать добро, представление о том, что надо жить для Бога и для людей, было в стиле того времени. И это поощрялось государством. Были какие-то грамоты. К 100-летию фирмы деду, который был из крестьян, пожаловали потомственное дворянство. Меценатство было отличительной чертой и Мамонтовых, и Шукиных, и Третьяковых, Боткиных, Морозовых... Конечно, размах меценатства мог быть разным, но благотворительность была почётным делом.

Когда Третьяков передал свою галерею городу, несомненно, это было большим событием, но оно было естественным. Работать не только ради своего обогащения, но и охватить своей деятельностью общество, служить Родине – это было типично. Когда началась война в 1914 г., дед все свои капиталы, которые находились за границей, перевёл в российские банки.

В 1915 г. после смерти деда мой отец Иван Николаевич, старший сын в семье, стал директором Трёхгорной мануфактуры. После революции, хотя фабрику национализировали, рабочие оставили отца управляющим. А осенью 1918 г. они же не позволили расстрелять отца.

Его обвинили в расхищении национального имущества. Фабрика, несмотря на разруху, производила какие-то товары, а денег не было. Тогда отец решил выплатить зарплату мануфактурой. Его арестовали. Кому он раздал товар, за что – это никого не интересовало. Отец ни от чего не отрекался. Когда за ним приехали, он спокойно отправился на Лубянку. Понимая, что дело может кончиться плохо, представители рабочих поехали следом.

В ЧК после недолгого допроса отцу вынесли расстрельный приговор, тогда это была довольно популярная мера.

Папа прочёл приговор и написал: «Прочёл с удовольствием» и подписался. Мне показывали этот документ, он удивительно безграмотно составлен, что-то вроде: «буржуй разграбил добро, буржуй подлежит расстрелу... к высшей мере всегда будем приговаривать тех, кто протягивает свои когти к народному добру». И вот рабочие, которые тогда ещё имели вес и могли что-то сделать, отстояли своего бывшего хозяина.

В 1927 г., когда умер папа, рабочие на руках отнесли его на кладбище мимо фабрики. Он скончался в Солдатенковской больнице, теперь она называется Боткинская. Не выдержало сердце после операции... Отпевали его в маленькой церкви в Спасо-Неопалимовском переулке. Мне бы-

Николай Иванович Прохоров с семьёй

ло уже девять лет, и я хорошо всё помню. Церковь была полна народом, и, хотя наступила уже глубокая осень, была масса цветов. На кладбище шли по размокшей слякоти, на короткое время выглянуло солнышко. Возле могилы многие говорили, что никогда не забудут папу, плакали... На венке на белой ленте чёрной тушью кривыми буквами рабочие написали папе: «С тобою хорошим частицу свою, слезою омоем дорогу твою». Пустили шапку – кто сколько даст денег. Я помню эту шапку и деньги, деньги, деньги.

Когда меня сейчас спрашивают о наследстве, я говорю, что моё наследство – это те рабочие, что помнили моего отца, с ним они хоронили свою часть. Они считали его членом своей огромной семьи. Это для меня самое важное.

Потом рабочие в течение трёх лет посещали нас по вечерам и приносили кто муку, кто крупу, кто деньги. Это продолжалось до тех пор, пока мою маму, которая отлично знала три европейских языка, но тогда это считалось очень предосудительным, не пригласили в «Интурист» в бюро обслуживания. Пришлось маме попросить рабочих не приходить, потому что НЭП кончился, началась слежка, и это было опасно. Вот только тогда прервалась связь с Трёхгоркой. И у нас началась другая жизнь.

Пасха и Рождество примиряли всех

Нас, помещённых в сталинские лагеря, вольные называли «жителями подводного царства», что было справедливо. Мы находились в мире, где складывались совершенно дру-

Иван Николаевич Прохоров, старший сын Н.И. Прохорова. Москва, 1910 г.

гие отношения между людьми. В лагере всё на виду, скрыть ничего невозможно. Там все такие, как есть: лишённые дома, семьи, профессии, не говоря уж об имуществе. И возникали моменты, открывающие непостижимые источники добра и любви в человеке, которые на воле мы, может быть, почитали бы незна-

чительными. Поэтому я хочу рассказать не о страшных и тяжёлых моментах, об этом писали прекрасно А.И. Солженицын, другие писатели, а о том светлом, что было. Тем более что лагерь, в котором я жила, не был лагерем уничтожения, как в 30-е годы, а был типичным: с тяжёлой работой, недоеданием, бесперспективностью.

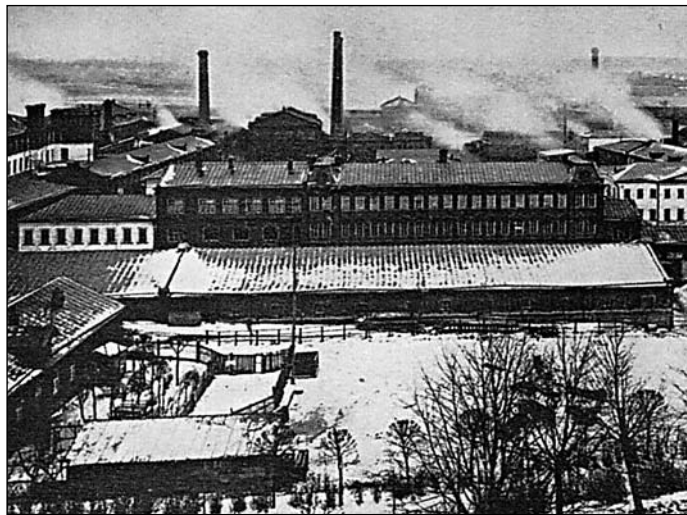
Находился он в районе Тайшета и назывался достаточно поэтично «ОЗЕРЛАГ», но никакого отношения к настоящим озёрам не имел. Расшифровывалась эта аббревиатура: Особо-Закрытый Режимный Лагерь. Вообще-то я не должна была попасть туда, произошло это, по-видимому, из-за обычного не-

досмотра. У меня был самый лёгкий обвинительный пункт – разговоры. За него давали 10 лет, а там сидели 25-летники – женщины всех национальностей. Как известно, Иосиф Виссарионович был интернационалистом, и он заботился, чтобы в лагере оказались украинцы,

латыши, литовцы, русские (кстати, они были в меньшинстве), немцы, корейцы, китайцы, французы. Не было только негров. Это было упущение. Но зато у нас были представлены все классы: крестьянство, рабочие, интеллигенция, партийные функционеры – ближайшие подруги Жемчужиной, жены Молотова, сестра Зиновьева. Партийным периодически добавляли новые сроки, и они сидели и сидели. И как же эти люди, такие во многом разные, жили ожиданием праздника! Как они откликались на всё хорошее! Самыми светлыми праздниками были Пасха и Рождество.

Большинство в лагере, до 70%, составляли украинки, получившие срок под лозунгом «напоила-накормила». Ночью в село приходили вооружённые бандеровцы, заходили в хату. Хозяева, естественно, были вынуждены кормить непрошенных гостей, а утром приезжали энкеведешники и забирали всю деревню. Таких в лагере было огромное количество. И, конечно, любви к русским они, мягко говоря, не испытывали. «Сажали в «ворон» нас штыками, / в лицо хлестал нам русский мат./ Да не забудем мы веками, / як визволял нас старший брат...» – пели в лагере. Но Пасха и Рождество примиряли и одаривали надеждой всех.

Готовились к праздникам очень долго. С сентября, когда в конце месяца выпадал снег, украинки (в основном они получали посылки) с великим трудом и предосторожностями, чтобы тайник не обнаружили надзиратели, собирали и прятали в снег продукты. Копилось всё по крошкам, по кусочкам несколько месяцев. А с приближением Рождества нужно было решить ещё одну задачу – испечь и приготовить разные пирожки, крендельки. По обычаю, на Свят-вечер, на Сочельник, на столе должно быть тринадцать перемен. Пекли днём в бараке, отвечала за это дневальная. Если надзиратель заставал приготовления, то тут же всё выкидывал, растаптывал. Вообще, подготовка к празднику была очень тяжёлой и скрупулёзной. Ведь надо было продумать абсолютно всё, как-то вынести из столовой железные миски. Некоторые надзиратели-сибиряки понимали, а некоторые лютowali.

Прохоровская Трёхгорная мануфактура

Готовить в бараке запрещалось категорически. Ещё могли закрыть глаза на то, что дневальная разогревала на печи кружечку с едой, но печь! И тем не менее в каждом бараке, а их было десять, было приготовлено, испечено к сроку всё, что нужно: пирожки с рыбой, с травами, с сухофруктами и т.д.

Возвращающиеся с лесоповала вносили свой вклад в приготовления, они должны были пронести веточки ели. При обыске на входе в зону конвойные эти веточки отнимали. Их обманывали, передавали сзади стоящему. И в каждом бараке было по ёлочке. Я со своей подругой... работала на слюде, мы собирали эту ледяную пыль и посыпали ею ёлочки.

В Свят-вечер мы возвращались с развода, надзиратели уходили и запирали нас в бараке уже в девять часов. Хотя ночные обыски иногда происходили, не помню случая, чтобы в Сочельник или на Пасху устраивались шмоны. Не знаю, почему так было: то ли случайность, то ли они сами праздновали.

Столы в бараке застилались белыми простынями, которые тоже надо было исхитриться взять в каптёрке, затем уставлялись блюдами. Было действительно тринадцать перемен. Готовилось всё абсолютно на всех, на шестьдесят-семьдесят человек. Все украинки, которые днём надрывались и страшно на всех ругались, принимались наряжаться. Надевали платочки, кофточки. Это не то что пошёл и взял, всё доставалось хитростью, пряталось, тайно стиралось, но в праздник все были в домашней одежде.

Потом они шли по бараку и, приглашая к столу абсолютно всех (партийных, уголовников), говорили: «Просим к столу, просим к столу».

[Надо сказать, что весь этот криминальный мир, эти убийцы и воры, становились такими кроткими и благопристойными. Они сидели друг подле друга на скамьях, и им казалось, что они в раю. Когда наступало время службы, так называемые «монашки», верующие деревенские женщины, которые очень хорошо знали Рождественскую службу, начинали петь. Украинки тоже пели, и пели превосходно! Сначала пели православные, потом немки, польки, украинские католички, а затем протестантки.

Все они пели свои службы. А Евангельское чтение!.. Почти в каждом бараке как минимум одна женщина прятала экземпляр Евангелия, которое ей удавалось сохранить после обысков. Каждый год в каждом бараке было Евангелие, которое читалось в этот день. Я помню одну пожилую немку, которая читала отрывки наизусть, и американку, которая читала по-английски. На каждом языке мы слушали Рождественскую историю. И мы все пели, даже жестокие убийцы и воры, все женщины, которые верили во Христа и Рождество.

Было чувство, что ты на небесах. Среди нас было абсолютное духовное единство, как будто все мы... слились в один голос, величающий Иисуса Христа и величайшее на земле событие. Пели латышки, пели немки своё «Stille Nacht», а также польки, китайки, эстонки, украинки, армянки, французки, американки. Все они пели колядки своих стран...

За шесть лет только одна женщина отказалась прийти. Она была коммунисткой, копия Троцкого, но одна из женщин принесла ей еду к её кровати, и она съела. Она говорила: «Эти люди просто невежды. У них нет ни ума, ни культуры... но еда вкусная». Она тоже поучаствовала, но в такой мере, в какой смогла. Впоследствии преступники и многие коммунисты говорили: «Это было так прекрасно. Значит, Бог милостив?» – «Да, да, Бог милостив», – говорили мы. «Он нас простит?» – «Простит, если вы верите правдиво и искренне и если вы раскаиваетесь, Бог вас простит. Он не такой, как начальник тюрьмы. Он совершенно другой». – «Да, – говорили они, – мы это чувствуем».

Все, и молодые, и старые, с разным культурным уровнем и разными профессиями, те, кто обычно казались друг другу чужими, кто часто жестоко ссорился, совершенно переменялись в эту ночь. Мы все знали, что с нами Бог, и в эту ночь эту веру не могла разрушить ни одна земная власть. Мы были счастливы, и даже те, кто имел трудный характер, были рады стать частью одной человеческой семьи, славящей Христа и Его рождение. Это был праздник, который я запомню навсегда, и я

знаю, что никакая земная власть не нарушит этого единства.]

Приготовления к Пасхе тоже были длительные. Накануне выпекались в мисочках куличи, и даже были яйца. Конечно, не каждому – по яйцу. Хранить и прислать их было трудно, но штук пять на барак приходилось. Их делили, и всем доставалось по крохотному кусочку.

На Пасху приносили веточки, они распускались. Вокруг ещё стояла зима, а барак украшали зелёные хрупкие листочки. Пасха – удивительный праздник в своей надежде на возрождение, радость даже в мире зла. И Пасха и Рождество наполняли смыслом, верой в будущее. В людях, в каждом человеке таится желание добра, как бы это ни подавлялось жизненными обстоятельствами. И эти праздники выявляли всё хорошее. И на Пасху и на Рождество все любили друг друга, целовались, танцевали. Не было ни расы, ни класса, ни возраста, ни образования – ничего. Были только люди, которые почувствовали радость. В этот момент все, верующие и атеисты, чувствовали присутствие высокой духовной защиты, силы, которая вне лагеря, над лагерем, той силы, которая даёт нам жизнь.

Я хочу рассказать ещё один эпизод, раскрывающий смысл человеческих отношений. В лагере была одна крестьянка, которая попала в тюрьму за сбор колосков. Когда ей дали срок, она стала ругать последними словами советскую власть, ей прибавили, и она попала в лагерь. Там как бытовичке опер предложил ей доносить, тогда она ударила его как следует чем-то тяжёлым. Расценили как попытку к убийству – и ещё срок. К тому времени, когда мы с ней познакомились, она была уже очень скандальная. Ругалась со всеми – до драки доходило. Я ей: «Аня, ну что ты так?». А она: «Так она ж...» – трам-там-там.

И вот ей прислали кофточку, а главное – платок. Передать словами, как он выглядел, невозможно. По-видимому, его творец хотел воплотить в платке всю радость жизни. Там были зелёные, красные тона, цветок, попытка изобразить машину, пальма... В этом платке Аня с пышными розовыми щеками была настоящая русская баба с картины Малявина... И каждый раз, когда Аня наряжалась, я говорила:

«Ох, с тебя картину рисовать», – что было правдой. Потом в лагерь приехала комиссия, которая снимала политические статьи, а уголовные оставляла на дорасследование. Аню, поскольку за ней была попытка убийства, не освободили. И вот приходит она со мной прощаться... желает, чтоб у меня всё было хорошо, целует и суёт какой-то сверточек... до сих пор не могу спокойно вспоминать об этом. В этом свёртке – её платок. Я ей: «Анечка, ну что же ты. Ведь это самое большое твоё сокровище». А она: «Вера, ведь ты в Москву едешь. Тебе нуж-

нее...» Она думала, что мне в Москве, в столице нужно как-то принарядиться... Ведь это всё равно, как если бы какой-нибудь Березовский отдал свои миллиарды, оставив себе только что-то на жизнь. Вот так всё было.

**Литературная запись
Натали Дьяковой**

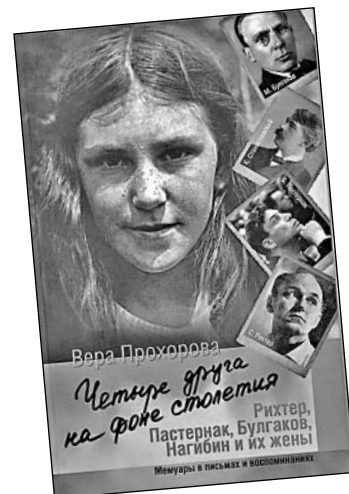
Источники:

www.aptimofeevsky.livejournal.com

Фрагмент в квадратных скобках:

www.pravmir.ru

(пер. с англ. Марины Леонтьевой)

ЛИЦА ЯНВАРЯ

31 января исполнилось 90 лет со дня рождения грузинского кинорежиссёра Тенгиза Абуладзе (1924—1994)

Ученик Г. Товстоногова по Тбилисскому театральному институту, С. Юткевича – по ВГИКу, Абуладзе соединил в своих фильмах дух итальянского неореализма и глубокую национальную традицию обращённости к душе человека, к главным вопросам бытия. В 60-х гг. ему не дали снять фильм о Нико Пиросмани – народном художнике, опасно свободном и «безыдейном». В 1967 г. вышла «Мольба» по произведениям Важа Пшавела – о вражде хевсуров и кистинцев, фильм-предчувствие. В 1977 г. – «Древо желания» – лента о грузинских Ромео и Джульетте, о любви, растоптан-

ной человеческими предрассудками. Снятый в 1984-м и вышедший на экран лишь в 1987 г. фильм «Покаяние», в центре которого – противостояние диктатора и художника, стал символом очищения от тоталитарного прошлого. Собирательный образ Варлама воплотил черты Гитлера, Берии, Муссолини и др. диктаторов XX века.

Творчество Т. Абуладзе питали глубокие христианские корни. Борьба добра и зла, света и тьмы, путь человека – сквозные темы его картин.

- Скажите, эта дорога приведёт к храму?
- Это улица Варлама. Не эта улица ведёт к храму.
- Тогда зачем она нужна? К чему дорога, если она не приводит к храму?

Т. Абуладзе. «Покаяние»

27 ЯНВАРЯ ИСПОЛНИЛОСЬ 70 ЛЕТ СО ДНЯ СНЯТИЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Михаил Шкаровский

Тяготы блокадной жизни Церковь делила со своей паствой*

К началу Великой Отечественной войны советское руководство под влиянием внешнеполитических обстоятельств вынуждено было отказаться от идеи полного уничтожения Русской Православной Церкви в стране... Однако её положение оставалось трагичным, множество запретов затрудняло её деятельность, сотни священников томились в тюрьмах и лагерях. К концу 1930-х гг. в Советском Союзе на свободе оставалось всего 4 правящих православных архиерея. В одной из крупнейших епархий страны, Ленинградской, к 1941 г. уцелел лишь 21 православный храм, были закрыты монастыри и духовные учебные заведения, отсутствовала церковная печать. К этим трудностям прибавились и суровые тяготы войны и блокадного города.

Ленинградскую епархию в тот период возглавлял... митр. Алексей (Симанский), впоследствии Патриарх Московский и всея Руси... Общее количество православных священнослужителей в Ленинграде не превышало 25 человек.

С первых дней войны Русская Православная Церковь посвятила себя защите Родины. Уже 22 июня 1941 г. Патриарший Местоблюститель митр. Сергей (Страгородский) обратился с посланием к верующим. Оно зачитывалось в храмах Ленинграда, и люди уходили на фронт как на подвиг, имея благословение Церкви. Глава епархии митр. Алексей 26 июля написал своё обращение к духовенству и верующим «Церковь зовёт к защите Родины». Особенную известность получила его проповедь, произнесённая 10 августа. В ней говорилось прежде всего о патриотизме и религиозно-

сти русского человека. Авторитет и влияние Ленинградского митрополита в это время были настолько велики, что 12 октября 1941 г. Патриарший Местоблюститель в своём завещательном распоряжении именно его назначил своим преемником.

По предложению митр. Алексея уже с 23 июня 1941 г. приходы Ленинграда начали сбор пожертвований на оборону города. Митрополит поддержал желание верующих пожертвовать на эти цели имевшиеся в храмах сбережения, порой очень значительные. Приходской совет Князь-Владимирского собора предложил на свои средства открыть лазарет для раненых и больных воинов и 8 августа передал на его обустройство 710 тыс. из 714 тыс. имевшихся у общины рублей.

Однако конкретная благотворительная деятельность осталась под запретом... Приходам разрешили перечислять деньги только в общие фонды: Красного Креста, обороны и др. Это ограничение не погасило воодушевления верующих и духовенства. Храмы отказывались от всех расходов, кроме самых необходимых. Повсеместно солдатам собирали тёплые вещи, прихожане жертвовали продовольствие для больных. ...К концу 1941 г. свои взносы сделали все православные приходы Ленинграда на общую сумму 2 млн. 144 тыс. руб.

...8 сентября сомкнулось кольцо блокады. Начались артиллерийские обстрелы города. От снарядов и бомб пострадали Никольский, Князь-Владимирский соборы, здание бывшей Духовной академии, где тогда размещался госпиталь... Тем не менее богослужения в действовавших храмах продолжали совершаться ежедневно...

Патриарх Алексий I

Рано наступившая зима 1941 г. оказалась на редкость суровой. В городе почти прекратилась подача электроэнергии, остановился транспорт... В храмах температура упала до нуля, порой замерзало масло в лампадах, всё больше людей умирало от голода. Прот. Николай Ломакин, давая свидетельские показания на Нюрнбергском процессе, рассказывал, что вокруг Никольской церкви на Большеохтинском кладбище можно было в течение целого дня видеть от 100 до 200 гробов, над

* Статья доктора историч. наук, ведущего науч. сотрудника Центрального государственного архива Санкт-Петербурга М. Шкаровского приводится в сокращении.

которыми совершал отпевание священник. Всем ленинградским священнослужителям, в т.ч. митр. Алексию, приходилось постоянно заниматься этим скорбным делом. ...Серафимовская кладбищенская церковь в январе–апреле 1942 г. была закрыта. В неё стали складывать тела умерших.

На протяжении всей блокады богослужения проходили в переполненных храмах... Один из прихожан Князь-Владимирского собора позднее вспоминал: «Певчие пели в пальто с поднятыми воротниками, закутанные в платки, в валенки, а мужчины даже в суконных... Вопреки опасениям, посещаемость собора несколько не упала, а возросла. Служба у нас шла без сокращений и поспешности, много было причастников и исповедников, целые горы записок о здравии и за упокой, нескончаемые общие молебны и панихиды».

Митр. Алексей... 8 сентября 1943 г. на Соборе епископов РПЦ также указывал: «И мы можем отмечать повсюду... в Ленинграде в особенности, как усилилась молитва, как умножились жертвы народа через храмы Божии, как возвысился этот подвиг молитвенный и жертвенный. Тени смерти носят в воздухе в этом героическом городе-фронте, вести о жертвах войны приходят ежедневно. Самые жертвы этой войны часто, постоянно у нас перед глазами...»

Ленинград сражался не только силой оружия, но и молитвой Церкви, силой общего воодушевления. В чин Божественной литургии вводились специальные молитвы о даровании победы нашему воинству и избавлении томящихся во вражеской неволе. Служился тогда и особый молебен «в наше время супостатов, певаемый в Отечественную войну 1812 г.». Позднее, в 1943 г., на некоторых богослужениях в Никольском кафедральном соборе присутствовало командование Ленинградского фронта во главе с маршалом Л. Говоровым.

Митр. Алексей прилагал все силы для того, чтобы богослуже-

ния продолжались. Не обращая внимания на артобстрелы, он, зачастую пешком, обходил ленинградские храмы, беседовал с духовенством и мирянами. В дни блокады он служил Божественную литургию один, без диакона, сам читал записки с поминаниями «за здравие» и «за упокой». Митрополит поселился непосредственно в соборе, несмотря на постоянные артобстрелы и бомбардировки.

Голодная блокада не щадила и духовенство. Только в Князь-Владимирском соборе в зиму 1941–1942 гг. умерли восемь членов клира. В Никольском соборе во время богослужения умер регент, не пережил голодную зиму келейник митр. Алексия инок Евлогий.

Балерина Кировского театра И.В. Дубровицкая писала о своём

Вокруг храмов существовали объединения людей, которые помогали друг другу выжить, выстоять. Без какого-либо участия городских властей в подвале Спасо-Преображенского собора было оборудовано бомбоубежище на 500 человек для прихожан и жителей окрестных домов. Имелся кипяток, запас медикаментов, в случае необходимости в подвале можно было переночевать. Нуждающимся помогали деньгами, дровами, свечами, маслом для освещения и другими жизненно необходимыми вещами. С довоенных времён в соборе хранились строительные материалы, и прихожанам делали из железных листов печи для обогрева квартир, выделяли фанеру, картон, чтобы заменить ими выбитые взрывной волной оконные стёкла.

В 1942 г. Пасха была очень ранней... В праздничном послании митр. Алексия подчёркивалось, что в этот день, 5 апреля 1942 г., исполняется 700 лет со дня разгрома немецких рыцарей в Ледовом побоище св. князем Александром Невским – небесным покровителем города на Неве. Пасхальное богослужение собрало много народа, однако меньше, чем в предыдущем году. Каждый третий житель города умер от голода и холода.

В городе началась массовая эвакуация по «дороге жизни» через Ладожское озеро. Важно отметить, что практически всё духовенство осталось на своих местах приходах...

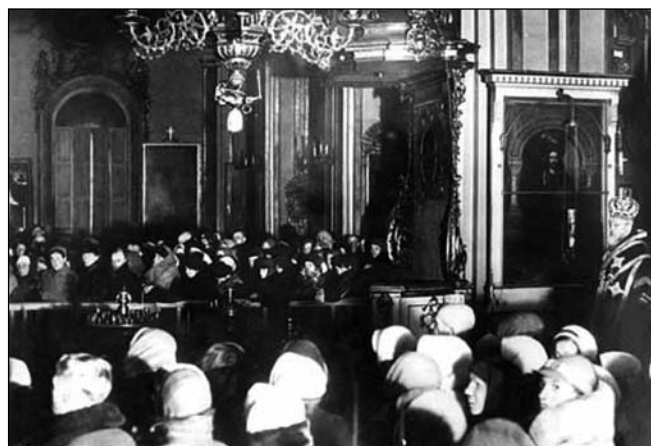
Именно к Пасхе гитлеровцы приурочили особенно яростный

Крестный ход

отце, протоиерее Никольского собора Владимире Дубровицком: «Всю войну не было дня, чтобы отец не пошёл в храм. Бывало, качается от голода, я плачу, умоляю его остаться дома, боюсь, упадёт, замёрзнет где-нибудь в сугробе, а он в ответ: «Не имею я права слабеть, доченька. Надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укрепить, ободрить». И шёл в свой собор. За всю блокаду, обстрел ли, бомбежка ли, ни одной службы не пропустил».

Священники и их паства в блокадном городе жили одной судьбой.

Богослужение в Николо-Богоявленском соборе

налёт на Ленинград. Богослужение было перенесено на 6 ч. утра, что позволило избежать больших жертв. Многие верующие вместо куличей освящали кусочки блокадного хлеба. При обстреле города в Пасхальную ночь серьёзные повреждения были нанесены Князь-Владимирскому собору. Фашистские самолёты не только сбрасывали на него бомбы, но и обстреливали на бреющем полёте из пулемётов...

В 1943 г. особенно часто обстреливался Никольский собор. Однажды в него попали сразу три снаряда, причём осколки врезались в стену покоев митрополита. Архидьякон вошёл в алтарь, показал причту осколок снаряда и, улыбаясь, сказал: «Видите, и близ меня пролетела смерть. Только, пожалуйста, не надо этот факт распространять. Вообще об обстрелах надо меньше говорить... Скоро всё это кончится. Теперь недолго осталось».

...Активно включилось духовенство города в подписку на военные займы, сбор пожертвований в фонд обороны... О средствах, собранных Ленинградской епархией для Красной армии, митр. Алексей дважды телеграфировал Сталину. 17 мая 1943 г. ответная телеграмма... была опубликована в газете «Правда»: «Прошу передать православному духовенству и верующим Ленинградской Епархии, собравшим кроме внесённых ранее 3 млн. 682 тыс. 143 рублей дополнительно 1 млн. 769 тыс. 200 рублей на строительство танковой колонны им. Дмитрия Донского, мой искренний привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин»...

Важнейшей вехой новой государственной религиозной политики стало совещание 4 сентября 1943 г. на даче у Сталина с участием Г. Маленкова, Л. Берии, представителей НКГБ. На нём были решены вопросы об открытии приходов, духовных учебных заведений, выпуске церковных изданий, о выборах Патриарха и др. ...8 сентября в Москве состоялся Собор

епископов, на котором 19 иерархов единогласно избрали Патриархом Московским и всея Руси митр. Сергия (Страгородского)... Практически прекратились репрессии против священнослужителей Московской Патриархии и обновленцев.

С осени 1943 г. представителей ленинградского духовенства стали привлекать к участию в общегородской общественной работе. Так, прот. Николай Ломакин уча-

Награждение священнослужителей медалью За оборону Ленинграда

ствовал в деятельности городской и областной комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. 11 октября 1943 г. впервые за все годы советской власти 12 ленинградским священнослужителям была вручена правительственная награда – медаль «За оборону Ленинграда»...

Торжественно и празднично отмечалось верующими полное освобождение города от вражеской блокады. Во всех храмах по благословению митрополита 27 января 1944 г. были совершены благодарственные молебны. 28 января митр. Алексей вместе с членами комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков посетил освобождённые пригороды Ленинграда – Петергоф и Пушкин. Под впечатлением увиденной картины варварского разрушения дворцов и храмов он написал гневную статью для «Журнала Московской Патриархии».

15 мая 1944 г. скончался Патриарх Сергий, и согласно его завещанию в должность Патриаршего Местоблюстителя вступил митр. Алексей... 2 февраля 1945 г. на

Поместном Соборе митр. Алексей был избран Патриархом. Вскоре после интронизации он приехал в Ленинград. Своё слово за богослужением в Никольском соборе 1 апреля 1945 г. Патриарх посвятил блокаде: «Вспоминаю я, как мы совершали богослужения под грохот разрывов, при звоне падающих стёкол и не знали, что с нами будет через несколько минут... И хочется мне сказать: град возлюбленный! Много горького при-

шлось пережить тебе, но теперь ты, как Лазарь, встаёшь из гроба и залечиваешь свои раны, а скоро и предстанешь в прежней красоте... Я призываю благословение Божие на град сей, на братий сопастырей моих... Они разделяли со мной все труды, испытывали много скорбей, ещё больше, чем я, и теперь несут тяжёлый подвиг... И будем молиться,

чтобы Господь простёр простёр благословение своё над Русской Церковью и над дорогой Родиной нашей».

Таким образом, обращение к Церкви в блокадном Ленинграде носило массовый характер, более значительный, чем в большинстве других районов страны. Религиозный фактор сыграл очень важную роль в обороне города. Действовавшие весь период блокады храмы активно способствовали мобилизации материальных средств и духовных сил ленинградцев. Это не могли не учитывать городские власти, их церковная политика начала меняться ещё до кардинального изменения общегосударственного курса. Церковь начала бурно возрождаться в годину тяжёлых испытаний для русского народа. Она была вместе со своей паствой в нечеловеческих условиях блокадного Ленинграда, заслуженно укрепив свой авторитет и расширив влияние.

Источник: Независимая газета,
21.7.2004

Алла Калмыкова

СВЕТЛОГРАД, которого нет на карте

31 января в Христианском культурном центре «Встреча» принимали гостей – учеников и педагогов Владимирской православной гимназии им. новомученика свт. Афанасия (Сахарова), которые привезли в Москву урок-эссе «Вторая Речка. Мандельштам», посвящённый 75-летию со дня гибели поэта

Десяток книг на полке, чашка на столике. Фотографии поэта на стене. И впери́вший в него прицельный взгляд портрет «отца народов» – вот и все декорации. Но звук... Звук мгновенно переносит зрителя в 30-е годы «века-волкодава», вцепившегося в певчее горло поэта. Голос Козловского, забытый романс – и речь Сталина, и овации зала, которые, кажется, не кончатся никогда, будут преследовать и сводить с ума, пока не стиснет ладонями уши исполнительница одной из ролей. Собственно, никто никого не «исполняет»: трое старшеклассников лишь ведут рассказ, прикасаясь к болевым точкам судьбы поэта – и ранясь его болью. Между ними и зрителями нет разделяющей рампы: залу предлагают прочесть – по книге или на память – любимые мандельштамовские стихи; это рождает сопереживание, мгновенно создаёт единое духовное пространство. Над нищетой и безытностью взлетают крылатые строки, но всё громче и громче, перекрывая их, звучат названия лагерей, паучьей сетью оплетших страну. И «в комнате опального поэта дежурят страх и муза в свой черёд, и ночь идёт, которая не ведает рассвета» (Ахматова).

Этот урок ребята провели у себя в гимназии 27 декабря 2012 г. в 12 часов 30 минут – в день, когда Мандельштам умер в пересыльной тюрьме Владивостока, ровно в тот час, который был указан в справке о смерти. И свернулось в свиток разделявшее их и поэта время...

Священник Алексей Головаченко, директор гимназии, автор идеи этого урока, не слишком жалует театр, где актёры играют, а зрители пассивно потребляют. После спектакля он рассказал о

своём педагогическом принципе, в основе которого – проживание исторических событий, погружение в них. «Чтобы понять, что происходит, надо это прожить» – только при этом условии знание о событиях прошлого становится частью духовного опыта человека и приносит плоды. Более того, подросткам предлагают выйти из привычной православной среды, в которой они живут дома, в гимназии, в церкви и которая слишком часто становится похожа на благодатное гетто. Выйти в мир, на улицу, заговорить с людьми. И ребята становятся миссионерами, рассказывая жителям своего города о трагических судьбах XX века, о жизни и творчестве Мандельштама, Пастернака, Солженицына, С. Фуделя.

По мысли о. Алексея, задача христианина – «продлить священное время», проживаемое в литургии. Можно ли жить так, чтобы никогда не покидать Тайную вечерю? Можно ли расширить границы эдемского сада (ведь сад – это всегда «огород», огороженное место, отделение священного от профанного) до пределов вселенной?

В сознании современного православного человека между церковным и мирским часто пролегает глубокая межа, так что он начинает жить двойной жизнью. О. Алексей ориентирует своих воспитанников на другое: не только внутренний, но и весь наш ближний мир должен «быть во Христе» – моя семья, мои книги, моя собака, даже... мои грехи.

Ребёнок входит в Церковь не так, как взрослый. Ему интересно, как капли воска застывают на его курточке, как пахнет дым от кадильницы, ему кажется не-

обыкновенно вкусной просфоры. «Святость он пробует на зубок», – улыбается о. Алексей. И чтобы помочь детям соединить реальность Царства Небесного с обыденной жизнью, во Владимирской гимназии придумали город Светлоград – город света, Град Божий (а это и есть Церковь), который создают сами его обитатели. В Светлограде есть всё, что бывает в обычном городе: храм, своя газета, свой театр, аллея героев, даже космодром. «Мы пытаемся его строить по принципу Божьего Града, но вносим туда всё своё», – говорит о. Алексей.

Каждый школьный год – это вхождение в духовное пространство истории нашей страны. Так, год 65-летия Победы ребята посвятили Великой Отечественной, воссоздав четыре ратных поля России. Особое место заняла в «проживании войны» блокада Ленинграда. В зале с заклеенными крест-накрест бумажными лентами и зашторенными окнами

целые сутки звучал метроном, и звук его был слышен в домовый церкви, когда служили панихиду по погибшим. Документальной основой для ребят младших классов стал «Дневник» Тани Савичевой. Им предстояло не просто создать образ, или литургическую икону, того времени, но и как-то отозваться на реальность, в которой «все Савичевы умерли. Осталась одна Таня». И дети... продолжили её дневник свидетельствами о продолжающейся жизни: «такого-то числа... года родился Вася ... родилась Ира... о. Алексей ...» Получилась небольшая тетрадка, и этот дневник, соединивший смерть и жизнь, ребята отвезли на хранение в Музей блокады Ленинграда.

В 2011 г. отмечалось 50-летие полётов человека в космос, и в Светлограде возникло звёздное небо, в котором парили ангелы и... космонавты. «Конечно, мы их не сделали святыми», – улыбается о. Алексей, это был образ всеединства. Ребята познакомились с историей космонавтики не только в классах – были поездки на место гибели Гагарина, в Калугу, а ещё – в Оптину пустынь («к духовному небу»). Когда же решили пригласить к ребятам одного из космонавтов, Бог чудесным образом свёл о. Алексея с о. Иовом, настоятелем храма Преображения Господня в Звёздном городке, и космонавт побывал в Светлограде. А ещё одну из звёзд по инициативе светлоградцев назвали именем свт. Афанасия, епископа Ковровского, и икона с частицей его мощей полгода совершала крестный ход вокруг Земли на

борту космического корабля. Так что теперь в Светлограде есть «космическая» икона.

Возвращаясь к теме вечера, о. Алексей рассказал, как, приехав на конференцию во Владивосток, он увидел надпись «Вторая Речка»

и понял, что именно здесь находился пересыльный лагерь, где погиб Мандельштам. Так родилась идея проекта «Родная речь. 101-й километр». «Наша культура тоже должна быть воцерковлена», – уверен священник, который не готов отдать своего любимого

Фото В. Ходакова

была одной из самых тяжёлых и страшных, – он умер в ссылке, отверженный всеми, но при этом исполнил последнюю из Заповедей блаженства.

О. Алексей напомнил мысль прот. Александра Шмемана о том, что наше христианство проверяется нашей культурой, и ответ И. Бродского на вопрос, почему он христианин: «Потому что я не варвар» (варвару не знакомо понятие жертвы). Сейчас мысли священника обращены к слезам Христа в Вифании: Господь не бросился спасать Лазаря, дождался его смерти, а потом плакал. По Лазарю? Нет. Он плакал о нас, о том ужасе, в который мы себя завели, о трагизме мира, который должен кончиться. Но «горькая сладость Пасхи», радость воскресения, неотделимого от крестной жертвы, побуждает о. Алексея и его воспитанников размышлять о милосердии (тема проекта «Неугасимая лампада»). О том, что христианство – это «путь через минное поле», сходжение каждого во ад, где только и можно найти дверь к Воскресению. Ибо после Христа смерть – это благословение, а не проклятие, и мученичество означает «свидетельство»...

В заключение вечера о. Алексей и гимназисты – Амвросий Степанов, Христина Зотова, Александра Нецветева ответили на вопросы зрителей и пообещали вновь приехать в гости – со спектаклем «Милосердная сестра». А пока во Владимир собирается Лилия Николаевна Ратнер с выставкой своих работ. Собственно, она-то и открыла для нас Светлоград, которого нет на карте.

Мандельштама ни методистам, хотя поэт был крещён в методистской церкви, ни иудеям, хотя им он принадлежит по национальному признаку, ни светской культуре. «А что, это православный поэт?» – задают порой вопрос о. Алексею. «Конечно, православный, – отвечает он. – Мандельштам честно, жертвенно прожил жизнь. Мы измеряем человека по его смерти. Ведь из творчества не всегда видно, насколько укоренён человек во Христе. Но Бог светит на всех». Священник заметил, что смерть свт. Иоанна Златоуста

Мария Свешникова

«ЭТО БЫЛ ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ»

Наши прихожане знают Лилию Николаевну Ратнер как замечательного художника, блестящего лектора, автора книги и статей, человека активной христианской позиции. Предлагаем читателям отрывок из её интервью, где она, в частности, рассказывает о своём взрослении, об обретении веры

Выбор

— Учёба [в Полиграфическом институте] стала счастливым временем, потому что у нас были преподаватели, которые когда-то кончали ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские (там учились Кукрыниксы, Дейнека, Бурлюк, даже какое-то время Маяковский). Поскольку они были формалистами, в советской стране их порядком громили. Но нам разрешали всё... Основным посылом было то, что художник книги должен быть образованным человеком... У нас прекрасно читали античную и средневековую литературу и историю. Кроме того, преподавались книжная гравюра и весь процесс производства книги. И до сих пор для меня книга священна...

Когда я начала делать диплом, я о Боге ещё не помышляла. Но поскольку мы проходили историю искусств, то в общих чертах я о Христе знала. Ведь история искусств – это не что иное, как история Библии, её иллюстрация, так что невольно проникаешься её системой координат. Это или приход к Богу, или, как в новое время, уход от Него, но всегда разговор с Богом.

Меня Библия бессознательно притягивала. Я была уверена, что Бог есть, хотя дома никогда ни одного слова о Нём не слышала... Словом, для диплома я выбрала книгу М. Пришвина «Моя родина». Пришвин писал о природе, он считался пейзажистом в литературе, но я почувствовала присутствие Бога в его книгах, и это меня привлекло. Позже я узнала, что он был действительно очень религиозным человеком. Но при советской власти говорить об этом было нельзя, а мне нужно было не только оформить книгу и проиллюстрировать её, но и написать к ней подробную объяснительную записку. И я написала, а эпитафией взяла его слова: «Родина – это не то место, где человек родился, а то, где он обрёл себя», – что в то время считалось страшным криминалом, и тех, кто любил что-нибудь кроме советской родины, называли «безродными космополитами». Когда мой руководитель проекта это прочёл, он пришёл в ужас и стал требовать, чтобы я сняла цитату. «Ни за что», – сказала я, дорожа этими словами. И тогда на защите он выступил против меня: «Она придумала за Пришвина. Пришвин – наш прекрасный природоописатель, и ничего больше». За всю историю института это был, наверное, единственный случай, когда руководитель проекта выступал против выпускника. Но ко-

миссия была милостива, и диплом мне зачли. А на выпускном вечере он со слезами просил у меня прощения: «Вы не представляете, какую беду могли навлечь на саму себя, на наш институт и вообще на всех нас»...

...В студенческие годы у меня был интересный эпизод. Я только-только поступила, и нас с подружкой один мальчик пригласил в литературный кружок, где студенты читали стихи. Кто свои, кто чужие. Всё абсолютно невинно. Мы были самыми юными, нам было по 17–18, ребята постарше, но не больше 22-х. И вдруг однажды тот, кто нас пригласил, пришёл, встал на колени перед всеми и сказал: «Ребята, я вас заложил, за вами придут». Оказалось, что его в своё время вызвали в органы (а у него отец был расстрелян в 37-м году) и сказали: «Создашь студенческий кружок и будешь рассказывать нам всё, о чём там говорят. Если ты этого не сделаешь, то твоя мать уйдёт за твоим отцом». Такая альтернатива. Рассказывать было не о чём, но он свято выполнял приказ...

Правда, девочек он пожалел... А ребята получили по 10 лет. Я хочу, чтобы знали теперешние молодые: не стоит вспоминать о том времени добрым словом, там не было ничего хорошего, кроме того, что мы были молодыми и поэтому радовались жизни. Нам было страшно, безумно страшно. Когда ребят увели, мы с подружкой каждый день, вернее, каждую ночь ждали, что теперь придут и за нами. Мы прятали свои дневники, какие-то фотографии. Самое ужасное было в том, что мы не знали, в чём наша вина...

Ребята отсидели четыре года и вышли после смерти Сталина. Вышли, конечно, сломленными. Один, самый яркий, самый талантливый, на свободе стал пить и повесился. Другой, совсем молодой, стал священником.

Это о. Илья Шмаин. Как только он вышел, они с родителями сразу уехали в Израиль, где он обратился в христианство. Потом они переехали во Францию, и там его рукоположили. Они с семьёй там прожили 30 или 40 лет, потом вернулись сюда. Здесь у него был приход.

– *Вы с ним встречались?*

– Я несколько раз была у него на службе. У него была невеста Мария Житомирская, которой было тогда 15 лет. Замечательная девочка, постоянно ходила к нему в тюрьму, а её не пускали, потому что она ещё несовершеннолетняя. Она сейчас жива, а о. Илья умер в 2005 г. Самое интересное, что тот, кто создал кружок и писал доносы, потом стал известным церковным деятелем. Это Феликс Карелин. Он постоянно писал какие-то воззвания, протестные письма... Судьба его оказалась ещё трагичнее, чем судьба всех этих ребят, потому что его тоже посадили. Такой был порядок – доносчик тоже должен был сидеть. И посадили в камеру с уголовниками, а те его моментально вычислили как стукача. Они заставили его играть в карты, и он проиграл. В качестве выплаты проигрыша он должен был убить человека. И он убил, после чего получил ещё дополнительный срок. И он вышел намного позже, чем вышли остальные...

Потом стал церковным деятелем. Вероятно, он обратился искренне. Ему никто из нашей компании не сказал ни одного слова упрека. Но никто с ним больше не общался.

– *Но это действительно страшный выбор.*

– Страшный. «В круге первом» Солженицына кто-то из жён посаженных сравнивает себя с жёнами декабристов. А другая ей отвечает: «Не сравнивайте. Они ехали туда в роскошных каретах, их никто не лишал возможности вернуться... Их никто не выгонял с работы, их детей не травил в школе. О них поэты сочиняли прекрасные стихи и поэмы, их воспевали как героинь. А мы – изгой». Это правда. Самое страшное было то, что ты становился изгоем.

Мы жили... в коммунальной квартире, и мои родители лечили соседей абсолютно бесплатно. Но, когда началось «дело врачей», стали приходить т.н. агитаторы. Всех собирали коридоре, и агитатор рассказывал, кого мы будем выбирать, хотя кандидатура всегда была только одна... Соседи спрашивали: «А расскажите нам про врачей-убийц, – имея в виду нас, хотя мы стояли рядом. – У нас тут врачи в квартире живут, а кухня общая... как бы чего не подсыпали».

...Родители мои никогда о Боге не говорили. Но после смерти отца в

одном из тайничков у него я нашла свиток Торы и коробочку с молитвами, которая на лоб повязывается – тфиллин. Причём он сохранил это в самые страшные годы, когда Гитлер подходил к самой Москве... Отец уничтожил все документы, все наши фотографии, ожидая, что немцы его расстреляют. А то, за что его немедленно должны были расстрелять, сохранил.

– *Это была такая связь с корнями?*

– Традиционная связь с корнями. Вероятно, какая-то вера... в нём была. Найдя тайник, я пожалела, что никогда не говорила с ним о Боге.

– *...Скажите, у вас никогда не было мысли о принятии веры отцов?*

– Нет, у нас в доме этого культа никогда не было. Я пережила много сложного в детстве, но до войны меня никто никогда не дразнил еврейкой.

Классе во втором или третьем кто-то сказал про другую девочку: вот еврейка. И учительница, умница, поставила нас, нескольких еврейских девочек, перед всем классом и сказала: «Посмотрите на них, какие они хорошенькие. А как они хорошо учатся! Как же можно их не любить?» Это я запомнила. Но в деревенском классе [в эвакуации] я боялась безумно. Моя фамилия, знание немецкого языка были чужими там, поэтому я очень боялась сказать, кто я, и очень страдала по этому поводу. Потом всё прошло, стёрлось. Но я и не знала, в чём заключается эта религия, о христианстве я знала гораздо больше.

– *Потому что вы учились?*

– Потому что я училась, потому что читала. Вся культура, которой я была пропитана, которую я очень любила, была христианской. В общем, Иисуса Христа я любила всегда. Хоть чуть-чуть о Нём узнаешь, и уже не-

возможно Его не любить. Но креститься никогда не собиралась, мне это и в голову не приходило. Мне казалось, что это глупость какая-то, зачем это нужно, это же не в партию вступать.

– *То есть, достаточно того, что вы верите?*

– Да. Я молилась часто. Ещё в раннем детстве. Помню очень хорошо: я в кровати своей лежу и молюсь, чтобы папочка и мамочка долго-долго жили и были здоровы. И перед экзаменом всегда молилась. Причём я чувствовала, когда эта молитва услышана, а когда нет. Но жила как все и не ставила себе задач стать особенной, хорошей. Но в какой-то момент...

Зачем нужно креститься

Я окончила институт, уже у меня был сын Митя, я работала в Мастерской прикладной графики, и там все читали книгу Р. Моуди «Жизнь после жизни» о случаях клинической смерти и обсуждали её. И я сказала: «Мне не нужны научные доказательства существования Бога, потому что вера на то и вера, чтобы верить, а не научно доказывать». И тут подошёл ко мне художник Саша Шумилин. Я знала, что он церковный, верующий человек, но особой близости между нами не было. Он затащил меня в угол и начал горячо говорить: «Да, ты всё правильно сказала...» – и говорит, говорит. А ведь он был молчаливым, суровым человеком.

Я смотрела на него с удивлением, думая: «Что с ним такое? Чего это он так разошёлся?» Мы вышли на улицу, долго гуляли, он мне всё объяснял, что я должна креститься. Я говорю: «Я не понимаю, зачем. Я и так в Бога верю, зачем мне ваша церковь? Я пойду лучше в лес, на природе помолюсь, там гораздо ближе Бог». Потом мне его жалко стало, он так старался. Я говорю: «Знаешь, ты меня не убедил, но если для тебя это так важно, найди человека, способного меня убедить, я согласна с ним поговорить».

– *Не креститься, а поговорить?*

– Поговорить, зачем креститься. А если он меня убедит, может, и креститься. Он мне буквально в тот же день позвонил: «Есть такой человек...».

– *Это какие годы?*

– 78-й или 79-й. Креститься было ещё опасно, но тогда мне это в голову не приходило... Наступил тот день, мы встречаемся в метро «Новокузнецкая». Ужасная погода, Саша весь простуженный. Я говорю: «Сидел бы дома, чего ты пошёл на улицу?» Он говорит: «Ради такого

дела я бы на карачках пополз». Вот это да! Какого такого дела? Мы с ним пришли в церковь Всех Скорбящих Радость...

...В церковь меня тянуло, честно говоря. Я часто хотела пойти, но меня всегда останавливало то, что я некрещёная и что я еврейка. Думаю, как войду, меня сразу погонят оттуда... Что, кстати, потом случалось не раз, особенно после того, как я крестилась. Мне говорили: «Что вы тут делаете? Идите в вашу синагогу». Что касается храма как собрания произведений искусства, к сожалению, наши православные церкви мало дают материала для любования художника. И эта церковь мне ужасно не понравилась, всё было, с моей точки зрения, ужасно фальшиво. Гораздо позже я узнала, что это бывшая мажорская ложа.

Была Пасхия, начало Великого поста, вечерняя служба, и я, конечно, ничего не понимала. Входят, выходят, как в театре, занавес какой то, распятие стоит жуткое, натуралистическое. Когда всё закончилось, Саша подвёл ко мне одного человека — чтеца в той церкви — и говорит: «Этот человек тебе расскажет, зачем надо креститься». Тот приглашает нас к себе домой на «Аэропорт» и начинает меня ужасно ругать: «Ходят тут всякие, крестятся, не зная, зачем, не понимая, какая это огромная ответственность».

Он решил, что я пришла креститься, потому что это стало модным — интеллигенция стала поворачиваться в сторону Церкви. Я отвечаю: «Да я вроде бы и не собиралась креститься, только узнать хотела». Но он не слышит меня: «Я знаю, почему вы хотите креститься: в этой стране можно быть только русским. А если нельзя быть русским, то хотя бы православным». Это вообще меня взбесило. У меня даже мысли такой не было. Идти в Церковь, чтобы только приспособиться, было для меня невыносимо. Я свою национальность уважала, никогда не хотела с ней расстаться.

А ещё я к тому моменту прочла серьёзные книги: и святоотеческую литературу, и... Бердяева, Булгакова, Флоренского. И была ими увлечена. Я зачем-то их упомянула, тут он разозлился ещё больше: «Это всё еретики, их всех надо запретить». А уж когда он узнал, что я художница, гневу его не было предела. «Искусством занимаешься! Это духовная деятельность душевного человека, распространение греха». Я думаю: «Боже мой, куда я попала!».

— Фра Анжелико, Эль Греко, Джотто тоже грех распространяли?

— Это католики! О них лучше было не упоминать.

— Страшные люди!

— Слава Богу, я не произнесла этих имён, которые, конечно же, хорошо знала и очень любила. Какой Джотто! Смеётся? Их всех нужно было сжечь. Я стою, чуть не плачу и думаю: «Бежать! Если этот человек из Церкви, то бежать и никогда близко к Церкви не приближаться». С этим я ушла. Я рыдала: «Саша, за что он надо мной так издевался? Что я ему такого сделала?». Саша, будучи сам художником, пытался меня успокоить.

Вернулась домой, спать не могу — думаю: «Как же так? Вся наша культура создана христианами, вся великая человеческая культура. Не может быть, чтобы все они были такие, как этот. Наверняка есть другие». Наутро звоню одному другу, он лет на 30 или 40 лет меня старше. Из первых эмигрантов, был вывезен во Францию ребёнком и прожил там практически всю жизнь. Он был связан с Эфроном, воевал в Испании, вернулся сюда, и ему немедленно предложили сотрудничать с определёнными органами. Он отказался, тогда его отправили в Воркуту, потом в Караганду, где он протрубил не больше не меньше 17 лет, и все 17 лет он был уверен, что осуждён по ошибке, а на самом деле советская власть поступает правильно.

Мой муж с ним познакомился раньше и рассказывал мне: «Человек столько лет просидел, но всё равно верит в идею коммунизма». Я отвечала: «Значит, дурак». Но потом он быстро разуверился и женился на моей ровеснице и приятельнице, так мы и познакомились. Я ему позвонила, потому что он был верующим. Во Франции, в Париже в церковь ходил, был иподиаконом. У них сын был, ровесник моего Митьки и тоже Митя,

и, когда ему исполнилось 13 лет, он сам захотел креститься. И это как-то меня тронуло. Я звоню Алексею Владимировичу и рассказываю: «Вот какой у меня состоялся разговор. Объясни мне, что это значит? Что это за церковная позиция?» Он отвечает: «Чушь. Знаешь, давай я тебя отведу к другому священнику».

Я соглашаюсь, потому что уже и сама хочу понять, что это за Церковь, которая так странно себя ведёт. На следующий день мы с ним пошли в храм Ильи Обыденного, там служил старенький-старенький священник — о. Владимир. Служба кончилась, мы подошли, и я стала рассказывать. О. Владимир послушал и говорит: «Да что вы, деточка! Да не переживайте так. Художница? Да рисуйте себе на здоровье. Антисемитизма в Церкви никакого нет, всё хорошо, всё замечательно. Давайте я вас сейчас окрещу». Я говорю: «Ну, нет. Один говорит одно, этот совершенно противоположное. Где правда?»

И уже ни о чём не могу думать, кроме одного: что такое Церковь? Спросить ни у кого нельзя. Книг ни одной. Это сейчас море книг, а молодые даже не могут представить, что это такое, когда нельзя купить Евангелие. Разговоров о Боге боялись. В церковь ходить было опасно, потому что могли донести, после чего с работы обычно выгоняли. Если в церкви вокруг священника группировался приход, его немедленно переводили на другой конец Москвы. Эта власть боялась всякого коллективизма.

— Незапланированного коллективизма.

— Да. Он позволялся только своим. В общем, я пытаюсь что-то узнать, ко всем пристаю. Мои друзья-художники знали чуть больше, чем я, но они относились к христианству как к предмету, вдохновляющему их на творчество. Сегодня они увлекаются православием, завтра буддизмом. А для меня это был вопрос жизни и смерти, самый главный. Ещё когда я была в гостях у того, у первого, когда мне хотелось бежать от такой Церкви, я ощутила, что если я уйду с таким настроением, то я потеряю самое главное в своей жизни. Я очень хорошо помню это чувство: произойдёт что-то такое, что потом не исправишь, поэтому мне обязательно нужно докопаться до истины.

Были у меня ещё друзья, муж и жена Штейнберги, художники, с детства церковные люди. Я, конечно, к ним ужасно приставала с моими вопросами. Они говорят: «Давай мы тебя отведём в церковь, куда сами ходим. Там у нас четыре священника и все очень хорошие, может, они что-

нибудь тебе скажут». Я была готова куда угодно идти. Это оказался храм Воскресения Словущего в Брюсовском, там действительно был замечательный настоятель, о. Сергей Вишневский. Он служил – будто летал, но я этого не понимала, это было тогда закрыто от меня.

Они подводят меня к молодому священнику, называют: о. Георгий. Я ему снова рассказываю: не то чтобы я хочу или не хочу креститься, мне надо знать, зачем люди крестятся. Он говорит: «Знаете, я вам ничего не могу сказать, потому что извне это понять невозможно. Вы походите с нами в церковь, захочется вам креститься, я вас окрещу». Я начинаю ходить. Каждое воскресенье, как на работу, иду на литургию. Естественно, ничего не понимаю, не знаю ни одного слова.

– *Как мы с вами помним, книг не было никаких, в том числе и текстов литургии.*

– Текстов никаких не было. И вообще, что такое литургия, зачем она, мне никто не объяснил. Зачем-то становятся на колени, целуют руку священнику, это меня ужасно шокировало. На стены стараюсь не смотреть – ужас, конец света. Как говорил о. Александр Мень про свой храм, «смерть эстетам». Что это? Зачем? Опять же, спросить не у кого, но хожу я исправно. Напротив этого храма дом Союза художников, где живут многие мои друзья, и я стараюсь незаметно прошмыгнуть, каждый раз боясь, что кто-нибудь меня увидит.

Наступает Пасха. Я знаю, что будет ночная служба. Иду ночью. Одна. В чём служба заключается, я, конечно, не знаю. Церковь маленькая, потолки низкие, дышать абсолютно нечем – толпа страшная. Меня куда-то в угол запихнули, я стою вся сдавленная и понимаю, что всю ночь я так не выстою, я просто умру. И выйти невозможно. И я тут взмолилась. Знаешь, как бывает, когда бессознательно не обращаешься ни к кому, а по привычке говоришь какие-то слова: «Господи, выведи меня отсюда, я тут умру».

И вдруг я чувствую, как будто пространство вокруг меня расширяется, мне легко дышать, ничто меня не беспокоит и не пугает. А самое главное, как будто рядом кто-то стоит и меня охраняет. Не просто меня охраняет, а ещё и очень сильно меня любит. И я заливаюсь чьей-то любовью. Я стою совершенно счастливая. Ничего не слышу, ничего не вижу, ничего не понимаю, но не замечаю, как пролетела эта ночь – я купаюсь в совершенно непонятном счастье.

Утром я бежала домой счастливая. Митьке пытаюсь что-то рассказать,

маме (муж у меня умер недавно, и это была тяжёлая травма, но не она ставила в Церковь прийти) – ничего не в состоянии объяснить. Иду к этому священнику на следующий день и говорю: «Я не знаю, что это было, но если у вас всегда так, то я хочу быть с вами». Он говорит: «Ну, хорошо. Я готов вас окрестить». И назначает мне день. Опять я в сомнениях, снова мне кажется, что я предаю веру отцов... Но утром я всё-таки иду, взяла с собой Митю – ему было 15 лет. Пошёл Саша Шумилин с женой и дочкой Инной и Штейнберги, которые меня туда привели.

Сам обряд мне показался смешным, забавным. Отрезают что-то, надо плевать, ходить вокруг чего-то. Конечно, никакой «Символ веры» я прочесть не могла: одновременно со мной крестили грудного младенца, и мы с ним примерно одинаково понимали, что происходит. Но когда меня причастили, у меня поплыло перед глазами, я ухватилась за стол, чтобы не упасть. А дальше началось непонятное состояние счастья. Я не ходила, я летала. У меня было чувство, что из меня вынули центр тяжести, и я, как шарик, взлетела. Я всем надоела своими попытками объяснить своё состояние, сама не понимая, что это. Совсем недавно умер мой муж, и всегда, когда умирает близкий человек, остаётся ужасное чувство вины: зачем что-то сказала, зачем-то обидела, всё вспоминается. Я была уверена, что так будет до самой смерти, – вдруг этого тоже не стало. Никакого чувства вины, я совершенно счастлива.

Катехизация от Бога

Единственное, у меня осталась куча вопросов. Я очень введливая, и вопросы меня одолевают ежесекундно. Что такое Церковь? Ну, что это такое? Я помню, что хожу по улице взад и вперёд, и у меня возникают вопросы. Спросить не у кого, да даже если и спрашиваешь, то отвечают как-то туманно. И тут начинается происходить удивительное: у меня возникает вопрос, а через секунду в моей голове на него даётся ответ. Следующий вопрос – следующий ответ, причём ответ исчерпывающий, который меня абсолютно убеждает. Иногда, приходя домой, я их записывала. Сожалею, что не делала это системно, у меня нет такой привычки вести дневник. Но сейчас, когда мне попадают эти записи, я понимаю, что Бог на меня обрушил всё. Он не мерой дал, Он открыл мне всё сразу. То, что Он Сам отвечал на мои вопросы, я понимала уже тогда. Он проходил со мной катехизацию. Я искренне, как ребёнок, задавала вопросы и

получала замечательные ответы. Какие-то я понимала тогда, какие-то понимаю только сейчас. 32 года прошло, а я понимаю только сейчас, какие глубины Он открыл. А что-то ещё предстоит открыть.

Потом мы с Митей поехали отдыхать в Питер, и у меня открылось иное видение Петербурга, где я бывала до этого очень часто. Я вдруг увидела другими глазами «дух неволи» – прямые насильственные проспекты, изогнутые мосты. Обо всём этом я писала письма Саше Шумилину. А он, как выяснилось, показывал их своему другу о. Владиславу Свешникову (твоему отцу). И в какой-то момент о. Владислав сказал: «Ну, приводи её». И мы пришли к вам.

О. Владислав открыл дверь, и я была поражена его обликом. Я всем рассказывала: у него глаза, устремлённые внутрь. Он видит тебя и не видит одновременно. Мы прошли в его кабинетик, и я там просидела 10 часов. Ходила матушка, бегали дети, я задавала вопросы. Наконец-то я могла спросить что-то у живого человека, а он мне отвечал. Когда порывалась уйти, понимая, что это неприлично, он говорил: «Ничего, ничего. Не уходите. Спрашивайте. Бросьте ваши интеллигентские штучки».

Я стала его прихожанкой. Мы собирались у него, чтобы обсуждать серьёзные вопросы, что было под запретом. За его домом следили, он даже знал стукача, который постоянно стоял под его окнами. Когда мы обменивались книгами, а книги эти были самиздатовские, напечатанные на машинке, нужно было сказать вместо «принеси мне такую-то книгу» «принеси мне красную кофточку». В органах про нас знали прекрасно, и наш «эзопов язык» был для них открытой книгой. Но это была замечательная жизнь. О. Владислав служил тогда в Тверской области, в Кувшинове, и поездки туда были целым паломничеством. Едешь сначала на электричке, потом на автобусе, потом пешком идёшь несколько километров. Вечер, темно, деревня покрыта снегом, и будто попадаешь в XIX век: вдали на горе церковь стоит, и горит огонёк в доме священника – это о. Владислав слушает Би-би-си. Это был праздник. Позже вокруг него начала формироваться небольшая общинка, началась наша церковная жизнь...

Фото Анны Гальпериной

Полностью см. на:
<http://www.pravmir.ru/ratner-moe-eto-to-chto-rvet-serdce-rvet-dushu/#ixzz2tBxX8Pxf>

Григорий Зобин

ИВАНОВСКАЯ ГОРКА, или Площадь мучеников

Ещё с апостольских веков христиане знают, что кровь мучеников – это семя Церкви. Самым сильным свидетельством о Христе всегда была добровольно отданная за Него жизнь. Много мест есть на земле, которые хранят память о таких свидетельствах – от могил свв. апп. Петра и Павла в Риме до Соловецких островов и Бутовского полигона в Москве. Гонения, выпавшие на долю Русской Церкви со стороны безбожников, ни в грош не ставивших человеческую жизнь и готовых принести в жертву для осуществления своих химерных идеалов миллионы людей, превзошли по масштабности все прежние гонения на Церковь. Творцам «нового мира», задуманного, подобно Вавилонской башне, как знак самовозвеличивания и человекобожества, было ненавистно само имя Бога и те, для кого оно было свято. Не вписавшиеся в рамки идеологической системы подлежали или «перековке», или уничтожению. В результате «светлое будущее» обернулось самым мрачным настоящим, которое когда-либо знала мировая история. Но «свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1:5). Очаги мирного духовного сопротивления царящим в стране лжи и насилию продолжали существовать вопреки всему. Один из замечательных пастырей того времени, архим. Серафим Батюков, говорил своим духовным детям: «Я ушёл в катакомбы не для того, чтобы с кем-то бороться. Я просто хочу сохранить Православие в чистоте». И это мирное непоколебимое стояние во Христе и в заповедях Его правды стало той твердыней, которую не сокрушили ни кара-

тельные органы, ни лживая атеистическая пропаганда. «Смрадный ветер», что, по словам поэта Максимилиана Волошина, тушил, «как свечи, жизни», оказался бессильным погасить пламя веры, любви и свободы.

О подвижниках XX столетия многое могут повествовать не только книги и очевидцы, чьи свидетельства для нас драгоценны, но и сама московская топография. Москва – удивительный город святых, великих поэтов, художников, зодчих, музыкантов, учёных. Пласты культурного слоя её многовековой памяти огромны. Они продолжают участвовать в нашей сегодняшней жизни, которая произрастает из них – и в слове, и в камне, и в знании. Тем более это относится к духовной преемственности, к передаче последующим поколениям эстафеты живой веры, любви и правды. Московские улицы и переулки откроют безмерно многое тому, кто готов видеть и внимать, кто осваивает город неспешным пешим шагом, зрением, слухом и сердцем... Одно из старейших и красивейших мест Москвы – Ивановская горка. Ещё в XIV в., когда столица не шагнула за пределы Китай-города, здесь, где сегодня самое сердце Центрального округа, на много вёрст кругом простирались густые леса. Об этом говорят даже некоторые окрестные названия: церковь Всех Святых на Кулишках («кулишками» называли полянки, расчищенные от леса под строительство), церковь Свт. Николая в Кленниках (память о кленовой роще), Подсосенский переулок.

Тогда же и построили здесь загородный великокняжеский дворец, первое «Царское Село» в нашей истории. Позже, когда появились новые, «дальние» подмосковные резиденции русских царей – Коломенское, Измайлово, Преображенское, Алексе-

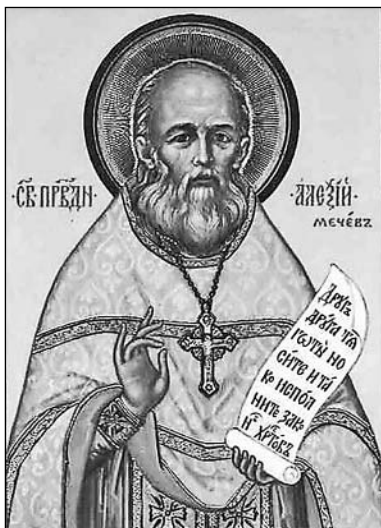
о. Серафим Батюков

Церковь Всех святых на Кулишках

Церковь Свт. Николая в Кленниках на Маросейке

Свт. Алексий Мечёв

много. Но мы ограничимся небольшим пространством и несколькими человеческими судьбами.

Ивановская горка и её окрестности полны живой памяти о мучениках и исповедниках веры XX в. Сердцем московской православной жизни в 1920-е гг. стала церковь Свт. Николая в Кленниках на Маросейке. Её общину создал св. прав. старец Алексий Мечёв. После его смерти в 1923 г. общину возглавил сын,

Сщмч. Сергей Мечёв

впоследствии священномученик, Сергей Мечёв. В духовном общении и дружбе с ним пребывали священники Пётр Петриков и Андрей Эльбсон, служившие неподалёку, в храме Свт. Николая в Подкопаевском переулке. О. Пётр Петриков был расстрелян 27 сентября 1937 г., в день Воздвижения Креста Господня, на Бутовском полигоне и в 2000 г. канонизирован как сщмч. Пётр Подкопаевский.

евское, — оно получило название Старые Сады. Память о нём хранит сегодня Старосадский переулок.

Подобно тектоническим пластам, легли на Ивановской горке пласты семи столетий. Они видны даже в архитектуре: храмы и палаты XVI–XVII вв., классицизм, ампи́р, модерн... О каждом из этих зданий и о том, что с ним связано, можно было бы говорить бесконечно

Поблизости, на Солянке, на месте дома №4, стояла церковь Свв. мчч., бессрр. и чудотворцев Кира и Иоанна. Она была построена в 1760-е гг. архитектором Карлом Бланком. В конце 1920-х этот храм наряду с храмами Свт. Николая на Маросейке и в Подкопаевском переулке вошёл в число московских «непоминающих» церквей, где не признавали указ о поминовении на литургии богоборческих властей и поминали ссыльных архиереев. Настоятелем его был архим. Серафим Батюков. В 1928 г. он покинул храм и перешёл на нелегальное положение — служил в домашней катакомбной церкви в Сергиевом Посаде (тогда Загорск) до самой своей кончины в 1942 г. Его пастырское служение — одна из самых славных страниц в истории Русской Церкви XX в.

С храмом Свв. Кира и Иоанна также связаны имена и других замечательных исповедников христианства в эпоху гонений — о. Иеракса Бочарова, о. Алексия Козлова, о. Владимира Кривоулицкого...

Есть на Ивановской горке место, где сходятся три переулка, словно образуя собой треугольную площадь, — Малый Ивановский пер., Старосадский пер. и ул. Забелина (бывший Большой Ивановский пер.). Поднимемся вверх от Солянки по ул. Забелина, названной в честь выдающегося русского историка, автора книги «История города Москвы», одного из основателей и первого директора Исторического музея Ивана Егоровича Забелина. Пойдём по левой её стороне...

Чтобы по-настоящему узнать Москву, надо заходить во все арки и дворы, заглядывать за все углы. Почти всякий раз открывается что-нибудь новое и доселе неведомое. Заглянем и мы на нашем пути по ул. Забелина в небольшой закоулок налево. Повернув в маленький скверик, мы увидим памятник великому поэту, имя которого вошло в мартиролог русской и мировой литературы, но особенно — в мартиролог страшного XX столетия...

*Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?*

Ответом на этот вопрос стали жизнь, смерть и слово самого Осипа Мандельштама. Поэту суждено

Церковь Свт. Николая в Подкопах

Церковь Свв. мчч., бесср. и чудотворцев Кира и Иоанна (снесена)

было претерпеть мученичество, сполна заплатить за пророческий дар.

В своих прозрениях поэты очень часто опережают философов и учёных. Ещё задолго до того, как один из величайших русских мыслителей XX в. – Николай Бердяев создаст философию христианского персонализма, где высшей, сущностной ценностью во Христе провозгласит каждую человеческую личность, что коренится в самом духе Евангелия, восемнадцатилетний Мандельштам напишет стихотворение, в котором эта философия уже провидится и содержится:

*Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?*

*За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?*

*Я и садовник, я же и цветок.
В темнице мира я не одинок.*

*На стёкла вечности уже легло
Моё дыхание, моё тепло.*

*Запечатлеется на нём узор,
Неузнаваемый с недавних пор.*

*Пуškai мгновения стекает муть.
Узора милого не зачеркнутъ.*

Поэт очень рано осмыслил, что он – навсегда, и понял, Кого за это благодарить. Христианство для него было сердцевинной бытия и корнем мировой культуры. «...Каждый культурный человек христианин», – писал он. Богочеловеческие отношения во Христе Мандельштам уподоблял радостной игре Отца с детьми.

*И Евхаристия, как вечный полдень, длится –
Все причащаются, играют и поют,
И на виду у всех божественный сосуд
Неисчерпаемым веселием струится.*

В годы, когда коммунистический режим провозгласил «пятилетку безбожия» и верующим была объявлена война на уничтожение, когда вера искоренялась насилием и ложью, когда главный людоед заявил, что через пять лет на территории СССР забудут имя Бога, Мандельштам пишет стихотворение «Ламарк». Оно связано с памятью великого французского учёного-эволюциониста (Мандельштам интересовался тогда проблемами теории эволюции). Каждым своим словом это стихотворение противостоит убогой и бездарной концепции атеизма, отрицающего Творца и бессмертие, а значит – и самый смысл жизни, творчества и высшую ценность человека.

*Если всё живое лишь пометка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.*

*К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав средь ящериц и змей,*

*По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как протей.*

*Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.*

*Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: «Природа вся в разломах,
Зренья нет, – ты зришь в последний раз».*

*Он сказал: «Довольно полнозвучья,
Ты напрасно Моцарта любил,
Наступает глухота научья,
Здесь провал сильнее наших сил».*

Мандельштам говорил жене: «Стихи – самое серьёзное дело. За них у нас убивают». Но тем, кто стубил поэта в ГУЛаге, оказалось не по силам угасить свет, который несёт его слово.

Среди мандельштамовских стихов воронежского цикла есть такое, горестно-шутейное:

*Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чортова –
Как её ни вывёртывай,
Криво звучит, а не прямо.*

*Мало в нём было линейного,
Права он не был лилейного,
И потому эта улица
Или, верней, эта яма
Так и зовётся по имени
Этого Мандельштама.*

Улицы Мандельштама нет на карте Москвы. Но она неизменно есть на карте русской поэзии. И эта улица, если вспомнить финал великого фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние», ведёт к храму.

Памятник поэту поставлен неподалёку от дома № 10 по Старосадскому переулку, где Мандельштам с «нищенкой-подругой» жил в коммунальном углу вместе с семьёй своего брата Александра Эмильевича. Автором памятника Мандельштаму стал известный скульптор Дмитрий Михайлович Шик-Шаховской (в соавторстве с Еленой Мунц), по неслучайному совпадению – сын расстрелянного в Бутове священника Михаила Шика.

Михаил Владимирович Шик родился в 1887 г. в семье богатого еврейского коммерсанта, почётного гражданина Москвы Владимира (Вольфа) Мироновича Шика. Образование получил в пятой московской гимназии (одной из лучших и самых «интели-

Памятник Мандельштаму на ул. Забелина

гентов» в Москве), где учился вместе с будущим художником Владимиром Фаворским, сыном В.Д. Поленова Дмитрием, впоследствии директором музея-усадьбы Поленово, и сыном В.И. Вернадского Георгием, ставшим позже известным историком. Дружба со многими из гимназических товарищей продолжалась у о. Михаила всю жизнь.

После гимназии Михаил Шик учился на историко-филологическом отделении Московского университета, которое окончил в 1912 г. по двум кафедрам – всеобщей истории и философии. Кроме того, он прослушал курс философии во Фрайбургском университете. Уже в те годы от твёрдо решил, что примет христианство, и видел в православии путь наиболее полного самораскрытия личности. Переведённая им ещё в 1910 г. книга знаменитого американского психолога У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» стала бестселлером среди интеллигентной и духовно ищущей молодёжи тех лет.

В Первую мировую войну Михаил Шик служит в армии – сначала, по болезни, в нестроевых, затем в действующих инженерных частях. Став очевидцем событий 1917 г., он пишет в одном из писем: «Большевики – они ломают армию».

После октябрьского переворота унтер-офицер Михаил Шик едет на Дон, к атаману Каледину, чтобы примкнуть к Белому движению. Он говорил, что в такое время нейтральными могут быть только Пилаты. Но на Дону вступить в ряды добровольцев не получилось.

В июле 1918 г. Михаил Шик приехал в Киев, где и принял крещение. Крёстными его стали художник Владимир Фаворский и Варвара Малахеева-Мирович, вместе с которой он переводил книгу У. Джеймса. Своим святым покровителем Михаил Владимирович выбрал князя Михаила Черниговского, замученного в Орде за отказ выполнять языческие обряды. Видимо, уже тогда провиделось им собственное будущее мученичество за Христа.

В том же году Михаил Шик женится на Наталье Дмитриевне Шаховской, которую знал ещё со студенческих лет. Семья поселяется в Сергиевом Посаде. Михаил Владимирович работает в возглавляемой о. Павлом Флоренским Комиссии по охране памятников Троице-Сергиевой Лавры, составляет путеводитель по монастырским достопримечательностям, пишет статьи «Колокольня и колокола» и «Митрополичьи покои» для сборника «Троице-Сергиева Лавра», изданного в 1919 г. Во время варварской кампании большевиков по «вскрытию мощей» вместе с о. Павлом Флоренским, Ю.А. Олсуфьевым и С.П. Мансуровым (также будущими священниками) Михаил Шик участвует в спасении от надругательства главы прп. Сергия Радонежского.

Будучи любимым духовным чадом старца Алексия (Соловьёва) из Зосимовой пустыни, ныне почитаемого как преподобного, Михаил Владимирович получил от него благословение на принятие сана. В 1925 г. он был рукоположен в дьяконы Патриаршим Местоблюстителем митр. Петром (Полянским).

Живший тогда в Сергиевом Посаде И.Э. Бабель, мудрый «совопросник века сего» и гениальный мастер слова, по взглядам, однако, являвший полную противоположность о. Михаилу и не пощаждённый позже теми, кого он считал своими единомышленниками, сообщал среди прочего в письме к Т.В. Ивановой от 16.06.1925 г.: «Ещё новости. (...) Шик, еврей-выкест, живущий насупротив, рукоположен во священники, он сменил полукафтан на рясу и ходит во всамделишной рясе с клюкою...»

Вскоре после рукоположения Михаила Шика арестовывают и на два года ссылают в Среднюю Азию, в г. Турткуль. Там в 1927 г. он был рукоположен в священники ссыльным архиеп. Таврическим и Симферопольским Никодимом (Кротковым), будущим священномучеником. Начало священнического и крестного пути у о. Михаила совпало.

Вернувшись в Москву в 1928 г., о. Михаил служил в различных храмах, нередко – в церкви Свг. Николая в Кленниках на Маросейке. Общине о. Сергия Мечёва и ему самому о. Михаил был духовно близок.

Позже он переехал с семьёй в Малоярославец, где служил тайно, у себя дома. Из Москвы к нему на исповедь и богослужения приезжали его духовные дети.

Среди них была великая пианистка М.В. Юдина. По воспоминаниям очевидцев, о. Михаил служил всегда необычайно вдохновенно, пламенно, с полной самоотдачей.

В феврале 1937 г. о. Михаил был арестован. В том же году, 27 сентября, в Праздник Воздвижения Креста Господня, по приговору «тройки» о. Михаил расстреляли в Бутове вместе с его другом свящ. Сергеем Сидоровым и еп. Арсением (Жадановским). С августа 1937-го по октябрь 1938 г. на этом полигоне было расстреляно более 20 тыс. человек, в т.ч. и более 400 священнослужителей.

Последним храмом в Москве, где служил о. Михаил Шик, стала церковь Свг. Николая у Соломенной Сторожки. С ней же связана судьба другого священномученика, сослужившего там о. Михаилу. Связана эта судьба и с Ивановской горкой.

Окончание следует

Церковь Свг. Николая у Соломенной Сторожки

Светлана Файн

«Милосердие: древнее слово для нового времени»

Презентация книги с таким названием состоялась 28 января в Православном Свято-Тихоновском государственном университете в рамках XXII Рождественских чтений

Книга объединяет размышления о месте милосердия в современном мире самых разных авторов, православных и католиков: митр. Минского Филарета и председателя Синодального Отдела по церковной благотворительности еп. Орехово-Зуевского Пантелеимона, кард. Роже Эчегарая, основателя Общины св. Эгидия Андреа Риккарди, председателя Папского совета по делам семьи архиеп. Винченцо Палья и других. Выход сборника стал важным шагом на пути совместного размышления христиан восточной и западной традиций о христианской любви и служении бедным. Уже две конференции на эти темы состоялись в Риме и одна в Москве, в залах Храма Христа Спасителя, и путь этот продолжается.

Книга обращена не только к «профессионалам от милосердия», ведь дело милосердия доверено всем христианам, а не одним специалистам по социальной работе. И все призваны не «чувствовать себя спокойно в присутствии бедных», а жить «милующим сердцем», по выражению прот. Алексия Уминского, который выступил на презентации.

Поэтому Алессандро Салаконе, представитель Общины св. Эгидия в России, говорил, что в современном обществе, где главное – производительность и скорость, необходимо вернуть в центр жизни ценности милосердия и бескорыстия и дать людям «евангельское видение надежды».

Для многих читателей книга, по словам ведущей Татьяны Зальцман, зав. кафедрой социальной работы ПСТГУ, стала «трамплином, подсказкой, куда идти». Показала, что главное – не разрабатывать всё время новые технологии, рискуя

потерять душу и ограничиться социальным обслуживанием, а строить культуру милосердия, черпая из традиции Церкви, евангельского и святоотеческого наследия конкретные и духовные указания, которыми можно вдохновляться в служении.

Книга обращена не только к церковным людям: к тем, кто мог бы начать благотворить, но ещё не определился; к людям, приходящим в волонтерское движение, в т.ч. и неверующим. Презентация стала интересным диалогом о. Олега Вышинского, руководителя Служ-

бы помощи бездомным православной службы «Милосердие» и преподавателя ПСТГУ; прот. Александра Борисова, настоятеля храма свв. Космы и Дамиана в Шубине; о. Романа Изосимова, настоятеля храма Сорока мучеников Севастийских в г. Чехов-2; иером. Виссариона (Кукушкина), священника общины глухих и слабослышащих г. Екатеринбурга; Светланы Файн, координатора движения «Друзья общины св. Эгидия» в Москве и других.

Источник: Благовест-инфо

Некоторые книги, поступившие в библиотеку ХКЦ «Встреча»

Человек в богословии митрополита Антония Сурожского. Доклады Второй международной конференции 11–13 сентября 2009 г. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2013. 336 с.

Церковь – Богочеловеческое общество. Материалы Третьей международной конференции 23–25 сентября 2011 г. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2013. 388 с.

Нашим читателям не надо много говорить о значении владыки Антония как пастыря и духовного мыслителя. И чем больше мы вникаем в его книги и проповеди, тем больше нам открывается. В последние годы проводятся конференции, на которых его наследие обсуждается и анализируется. А поскольку количество участников конференций ограничено, то можно только порадоваться, что теперь и те, кто не присутствовал на конференциях, смогут ознакомиться с прозвучавшими там интересными выступлениями и докладами.

Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 томах. М.: Sam&Sam.

Том 4: Статьи 30-х годов. 2012. 480 с.

Том 6: Статьи из журналов «Новый град», «Современные записки», «Новая Россия». 2013. 504 с.

Георгий Петрович Федотов – один из самых значительных русских христианских мыслителей, чьё творчество протекало в послереволюционном изгнании. Созданные им труды и теперь актуальны, многие из его статей, где разные стороны жизни осмысливаются с христианских позиций, написаны как будто сегодня. Можно только порадоваться выходу новых долгожданных томов его Собрания сочинений. Единственное, о чём можно сожалеть – оно выходит уже много лет, и конца изданию пока не видно.

Добровольскис Станисловас. Саснаускас Юлиус. Из богословия сквериков и деревушек. Пер. с литовского. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2013. 240 с.

Имя о. Станисловаса Добровольскиса (1918–2005), удиви-

тельного литовского католического священника, известно за пределами Литвы уже многим, особенно же – читателям и почитателям Натальи Трауберг, высоко ценившей его мудрость и духовную стойкость. Впервые на русском языке мы можем прочитать его тексты – небольшие, но глубокие проповеди, скорее даже эссе, способные найти отклик в каждой душе.

Второй автор, Юлиус Саснаускас, – человек другого поколения, католический священник, продолжающий служение о. Станисловаса в современной Литве, так что проповеди обоих священников-францисканцев по справедливости изданы под одной обложкой.

Гуарески Джованнино. Сказка на Рождество. Пер. с итальянского. М.: Альбус корvus, 2014. 72 с.

Гуарески – для нас новое имя, мы только начинаем узнавать интересного писателя-христианина. Хорошие детские книги написаны для всех возрастов, и всё же обидно, что в нашем детстве этой сказки не было.

Эта сказка была им сложена в концлагере, где он находился вместе с другими пленными итальянцами за отказ воевать на стороне нацистской Германии. У Гуарески сказочный мир рождается из повседневных предметов, сказочное зло вытекает из окружающей автора и его друзей по несчастью военной повседневности. Но мир прекрасен, и силам зла не победить Свет Рождества.

Ванье Жан. Войти в тайну. Иисус в Евангелии от Иоанна. М.: Вера и Свет, 2013. 384 с.

Всем, кто знает Жана Ванье как гуманного организатора сети общин «Вера и Свет» и «Ковчег», много сделавшего для помощи людям с ограниченными возможностями, эта книга поможет увидеть, как он вдумывается и вживается в Евангельское повествование. Такие книги бесмысленно пересказывать, они просят внимательного и самостоятельного чтения. А слова Жана Ванье неотделимы от его личности.

Подготовил Сергей Пестов

Светлана Лукьянова

Не оставляй меня в пути

Эгейский рай, евхаристо!

Затихло море за окном
Под лёгким, как вуаль, туманом,
Павлин, воюя с нашим сном,
Встревожился в селенье рано;

Кур тормоша, кричал петух,
Летали ласточки в заботе,
И пробужденье мирный дух
Витал над нашей сонной плотью.

Сонливую стряхнувши лень
И одолев её усаду,
Мы встретили последний день
На берегу морской Эллады.

Неделю с греками молясь,
Мы испытали единенье
И со Христом живую связь
В духовном нашем
приношенье.

Мы отряхнули мрак времён,
Нас разделяющий условно,
И гидов дружественный тон
Роднил нас братски и церковно!

Свободомыслием дыша,
Мы радовались, словно дети!
Раскрепощённая душа
Вбирала лучшее на свете

От неподдельных христиан,
Хранящих истинную веру,
Через границы наших стран
Мы будем слышать:
«Калимера!»

Эгейский рай, евхаристо!
Трансфер... визитки у отеля...
Великим было то постом,
В тринадцатом году.
В апреле.

К Армении

1. Моим спутникам по Армении

Армения! Как многих струн
Моей души коснулась ты,
Как моря яростный бурун,
Как Голос с горней высоты!

Что знала я до этих пор?!
Есть невеликая страна
Там где-то, за цепями гор,
Лихими бедами полна.

Но то, что в уголке ума
Дремало как случайный пласт,
Вдруг расцвело, как я сама,
Как тень и солнечный контраст.

Когда осенние леса
Наводят серую тоску,
Сияющие небеса
Я в душу памятью влеку,

И горный воздуха настой,
И свет армянских добрых лиц
С их человечески простой
Любовью сердца без границ!

И мне легко благодарить
Судьбу, и хочется вослед
С любовью в Господе дарить
В нас отражённый –
братский – свет!

2. Слушая «Реквием» Моцарта

Оставь житейское, мирское
И сердцем музыку услышь,
Моцартианскою рукою
Взорвавшую земную тишь!

Не рокот моря то, не грозы,
Не беснование толпы –
Под скорбнопоенье Лакримозы
Я вспоминаю миг судьбы,

Миг у подножья Арарата,
Миг, растянувшийся в семь дней,
В историю народа-брата
С печальной участью своей.

Армения культуры древней!
Ты вся в изысках красоты –
И в музыке своей напевной,
И в мужестве прекрасна ты!

Когда, как скот, вели на плаху,
Где мясники рубили с плеч

Живые головы, без страха
Склонялись женщины под меч:

Изящным женщинам гостиных
Была дороже честь своя,
Чем пасть в объятиях бесчинных
Младотурецкого зверья.

Здесь, на земле, залитой кровью,
Безмолвен ты и удивлён,
Как жив народ своей любовью
И верой в Бога исцелён!

Армения! Как Божьим даром,
Твоей судьбой покорена!
Я кланяюсь твоим хачкарам,
Мной обрётённая страна!

На исповедь к Самому Богу

И снова лёгкий плеск воды
Благословенного Валдая –
Судьбой из городской среды
Опять заброшена сюда я.

Все чувства здесь, само собой,
На мир настроены сердечный,
И в неурядице любой
Слышнее Голос Бога вечный.

Здесь, вглядываясь вглубь себя
И прозревая понемногу,
О всех грехах своих скорбя,
Ты Самому несёшь их Богу!

А Он, услышав трепет твой
И уловив души смятенье,
Накроет легкою листвою
И дарует их отпущенье.

Коснётся Он твоей души –
Так близок Бог, а рядом – ты ли?!
«Иди и больше не греш!» –
Ты слышишь из давнишней были!

И все тревожности твои,
Рефлексии или причуды
Здесь тают в воздухе любви,
В гармонии святого чуда.

Господь не строил города
И не творил их нам для жизни,
И ты из них бежишь сюда,
Как в Божий мир – к своей отчизне,

Душой к Нему тропу торя
Через лесные эти сходни,
Благодаря! Благодаря
За эти милости Господни.

Вечер

Закатным светом солнце косит,
 День сумасшедший завершён,
 Душа уединенья просит
 И рвётся к тишине в полон.

Ещё дневная мешанина
 В уме, и мысли все вразброс,
 Но тихой заводи картина
 Уже манит меня всерьёз.

Приду домой, под струи душа,
 И, сбросив дня рабочий груз,
 На тишину настрою душу
 И в Божье Царство окунусь,

В молитве вспомню всех болящих
 И страждущих своих подруг,
 Меланхолически глядящих
 На жизнь и смерть,
 на мир вокруг...

Текут вечерние минуты,
 В душе мечтательный покой,
 Слетели все дневные пути,
 Смахнув усталость как рукой.

Какое-то благое чувство,
 Что Божий свет в меня проник,
 Когда в душе, казалось, пусто,
 Вот-вот – отчаяния крик.

Благодаря за тихий вечер,
 Листаю свой фотоальбом:
 Там все судьбы моей предтечи,
 Животворящие мой дом.

Молитвенное поминанье
 Отрадно завершает день,
 Альбом закрыт.
 Всем – до свиданья!
 Ко сну зовёт ночная сень.

Не угадай Фаворский свет

Как сивка, с ношами в руках
 Тащусь домой, не чуя ног,
 А мысли выются в облаках,
 Там, где блистающий наш Бог.

Там нет усталости, поклаж
 И выживания в борьбе!
 А может, это всё мираж
 В моей неконченной судьбе?!

Гляжу – на лавочках приют,
 Поди, прабабушек уже:

Что меж собой они толкут?
 О том, что Бог у них в душе?!

Наверное, им проще жить,
 Ни в храм, ни к внукам не спеша,
 А так, вокруг себя кружить:
 Высот не требует душа.

А мне покоя не даёт,
 Успею ль душу от греха
 Освободить, когда взовёт
 Господь к Себе издалека.

Усталость к ночи валит с ног –
 Не до молитвенных минут!
 Всё отдаю Тебе, мой Бог,
 На Твой ежевечерний суд.

Не оставляй меня в пути,
 Не дай в усталости земной
 Порой в сомнение войти,
 Что Ты – Любовь,
 что Ты – со мной!

Не угадай Фаворский свет,
 В душе затепленный Тобой,
 И в море бед, и в море лет
 Останься Жизнью и Судьбой.

Молчанья час

В молчанье уст,
 в безмолвье тишины,
 Где царствует
 Божественное Слово,
 Ты воскресаешь, как из пелены
 Привычного житейского покров.

Ты Иисусу предстоишь один,
 Пусть даже хор молчит
 с тобою рядом,
 Но ты не с ним, а с Господом един
 Перед Его небесным
 Вечным градом.

Ты от грехов душою изнемог,
 А здесь покой и неуместны речи,
 Благоговенье!
 Благо – это Бог,
 В молчанье Он зовёт тебя
 на встречу,

Но «горы двигать» легче,
 чем молчать
 В глубоком перед Богом
 откровенье,
 Не искушён ты в этом, но начать
 Спешу своё духовное говенье.

Законом жизни призван ты
 к нему –
 Вдруг осенён твой ум, душа и тело!
 И только сожаленье –
 почему
 Так долго эта весть к тебе летела.

Рождественский пост – 2013

Памяти Володи Крупецкова

Был свет, было много света –
 Так человек сиял!
 Божьей светился метой
 И в нас этот свет вливал,

Станом был мал от роду,
 Но крепким по жизни стал,
 Любовью горел от природы,
 Мудростью возрастал,

Лёгким бывал на отдачу,
 Быстрым на всякий зов
 И уходил, не растрочен,
 Без орденов и призов.

Жизнью служил до века,
 Верным бывал во всём –
 Божия суть человека
 Не иссякала в нём.

Чуя вот-вот кончину,
 Теряя силы свои,
 Ночью жене и сыну
 Он говорил о любви.

Утром просил участия
 Батюшки в смертный миг,
 Принял своё причастье
 Господу и затих.

Нет завершения жизни
 У крематорских дверц –
 Свет сквозь печаль на тризне
 Дарит Христова смерть!

И как в утверждении смысла:
 Душа, устремившись ввысь,
 Радугой в небе вышла –
 Небо с землёй слились!

Свет разольётся шире –
 Смерть не убила дух:
 Любовью светится в мире
 Сердце жены за двух.

10 февраля 2014

